

А. Будиловичъ.

Объ успѣхахъ русскаго языка

въ Юрьевскомъ Университетѣ

въ истекающемъ столѣтїи.

Юрьевъ.

Печатано въ типографїи К. Матисена.

1899.

А. Будиловичъ.

Нѣсколько данныхъ и соображеній объ
успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ
(б. Дерптскомъ) университетѣ въ истекаю-
щемъ столѣтїи.

460

Рѣчь, прочитанная 10 мая 1898 г. въ годичномъ собранїи состоящаго при
этомъ Университетѣ Учено-литературнаго общества.

Сопл. „Fraternitas Aeterna“
Ташк. Б. д. 189. 124, к. - 8.

Библиотека 1930 г.
№ ~~IX 1~~ 23 - III

Юрьевъ.

Печатано въ типографїи К. Маттисена.

1899.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Император-
скомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. III.

Est. A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
18781

Мм. Гг.

Хотя исторія Юрьевского университета еще не написана, вслѣдствіе чего отдѣльныя стороны ея, въ томъ числѣ и положеніе въ немъ русскаго языка, далеко еще не выяснены, тѣмъ не менѣе главные моменты этого вопроса могутъ уже быть освѣщены въ общихъ чертахъ, на основаніи опубликованных¹⁾ документовъ и по актамъ университетскаго архива.

Извѣстно, что въ учредительной грамотѣ Юрьевского университета (отъ 12 дек. 1802 г.) и въ первомъ уставѣ его (отъ 12 сент. 1803 г.) ничего не сказано о языкѣ преподаванія въ этомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе уже изъ цѣли послѣдняго, выраженной въ грамотѣ 12 дек. 1802 г. словами: „распространеніе человѣческихъ познаній въ нашемъ государствѣ и купно образованіе юношества на службу отечества“, а въ § 1-омъ устава 1803 г. словами: „учрежденъ въ Россійской имперіи для общаго блага, въ особенности же

1) Главнымъ образомъ въ Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Пр. (тт. I—XII), въ Сборникѣ распоряженій М. Н. Пр. (тт. I—V) и въ Циркулярахъ Рижскаго (б. Дерптскаго) Уч. Окр. за 1886 слл. годы.

для пользы губерній Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской“, — видно, что здѣшній университетъ не могъ не отличаться въ этомъ отношеніи отъ университетовъ нѣмецкихъ, призванныхъ служить не русскому государству и отечеству, а нѣмецкому фатерланду.

Въ самомъ дѣлѣ, въ здѣшнемъ университетѣ уже по уставу 1803 г. (гл. VI) положены были особыя профессуры: 1. російскаго языка и словесности, 2. исторіи, статистики и географіи Російскаго государства, а въ особенности Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерній и 3. теоретическаго и практическаго російскаго правовѣдѣнія. Между лекторами же на первомъ планѣ тутъ поставленъ лекторъ російскаго языка, а за нимъ уже слѣдуютъ лекторы языковъ нѣмецкаго, латышскаго, эстляндскаго и финляндскаго, французскаго и англійскаго.

Всѣ эти каѳедры оставлены были и по уставу 1820 г. (§§ 74, 75), за изъятіемъ каѳедры русской исторіи, географіи и статистики, переименованной въ общую каѳедру „статистическихъ и географическихъ наукъ“. Но впослѣдствіи, указомъ 15 мая 1853 г. была здѣсь возстановлена особая каѳедра русской исторіи, которая была сохранена и въ уставѣ 1865 г. Наряду съ нею положены по этому уставу еще каѳедры: 1) русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще и 2) русскаго права. Что же касается лектуры русскаго языка, положенной по уставамъ 1803 и 1820 г. и по Высочайшему повелѣнію 1 іюня 1837 г., съ обязательствомъ читать не менѣе 6 часовъ въ недѣлю¹⁾, то лектура эта не значится въ уставѣ 1865 г., но обязанности такого лектора перешли на одного изъ десяти штатныхъ доцентовъ, положенныхъ по этому уставу²⁾. Кромѣ того въ уставѣ 1865 г. значится особая каѳедра православнаго богословія, впервые намѣченная гр. Уваровымъ во всеподданнѣй-

1) Сборн. постановл. II, 1009.

2) Сборн. постановл. IV, 111.

шемъ отчетѣ о ревизіи Дерптскаго учебнаго округа отъ 20 іюня 1833 г.¹⁾ и установленная указомъ 31 окт. 1833 г.²⁾. Впослѣдствіи учреждена была еще указомъ 23 дек. 1880 г. особая каѳедра для „сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“. Повидимому, это та же каѳедра, которую имѣлъ въ виду Петръ В., когда въ „Аккордныхъ пунктахъ съ лифляндскимъ рыцарствомъ“ отъ 12 окт. 1710 г. выразилъ готовность сохранить въ г. Перновѣ университетъ, съ тѣмъ, чтобы въ немъ былъ назначенъ особый профессоръ для „славонскаго языка“: *welcher in der Slawonischen Sprache profitieren und dieselbe allorten mit introducieren könne*³⁾.

На юридическомъ факультетѣ указомъ 4 февр. 1889 г. учреждены были особыя каѳедры для 1) русскаго гражданскаго права и судопроизводства и 2) исторіи русскаго права, — вообще, были преобразованъ составъ каѳедръ, въ смыслѣ сближенія съ таковымъ въ прочихъ русскихъ университетахъ.

Естественно было бы предполагать, что преподаваніе по каѳедрамъ, посвященнымъ изученію Россіи, ея языка, словесности, права, исторіи, географіи, будетъ вестись на языкѣ русскомъ. Но, насколько извѣстно, это выдерживалось только на лектурѣ русскаго языка и каѳедрѣ русской словесности, да еще на каѳедрѣ православнаго богословія. По прочимъ же изъ упомянутыхъ каѳедръ допускаемы были отступленія въ пользу языка нѣмецкаго, хотя правительство неоднократно требовало русскаго преподаванія по этимъ каѳедрамъ. Такъ изъ протоколовъ совѣта видно, что 30 окт. 1842 г. попечитель, по порученію министра н. пр., предписалъ, чтобы лекціи по обѣимъ каѳедрамъ русскаго права, согласно Высочайшей волѣ, были впредь читаемы на русскомъ языкѣ⁴⁾.

1) Тамъ-же II, 402.

2) Дополн. къ Сборн. постанов. 1867 г. стр. 414.

3) *Das erste Jubelfest der Kais. Univers. Dorpat am 12. Dec. 1827 (Dorpat 1828, стр. 24).*

4) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ подъ 1842 г.

По медицинскому же факультету въ 1844 г. предписано было: въ основу преподаванія государственнаго врачебно-вѣдѣнія принять постановленія Свода законовъ на русскомъ языкѣ, упражняя также студентовъ въ составленіи на ономъ судебно-медицинскихъ протоколовъ и свидѣтельствъ, для чего при этой каедрѣ учреждена была тогда должность частнаго преподавателя¹⁾.

Вообще, тогда (въ 1845 г.) было предписано преподавать на каждомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ хоть одну науку сверхъ русской словесности²⁾.

При учрежденіи же въ 1855 г. особой каедры русской исторіи, въ мотивахъ всеподданнѣйшаго доклада по сему предмету было указано, что предметъ этотъ совмѣстно со всеобщей исторіей читается проф. Крузе по-нѣмецки, притомъ поверхностно, безъ прямого изученія источниковъ³⁾.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что когда въ Дерптскомъ учебномъ округѣ учреждена была должность помощника попечителя, то во временной инструкціи послѣднему отъ 28 дек. 1868 г. на него возложено было попеченіе объ успѣхахъ русскаго языка и предметовъ, преподаваемыхъ по-русски въ университетѣ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, подвѣдомственныхъ министерству нар. просвѣщенія⁴⁾.

Но болѣе широкая постановка вопроса о языкѣ преподаванія въ этомъ университетѣ впервые сдѣлана была въ указѣ 4 февр. 1889 г. о реформѣ юридическаго факультета, вызванной введеніемъ въ этой окраинѣ судебныхъ уставовъ Императора Александра II и судопроизводства на русскомъ языкѣ. При таковой реформѣ на первое время признано было необходимымъ ввести преподаваніе на государственномъ языкѣ хотя бы по нѣкоторымъ предметамъ, напр. по исторіи

1) Тамъ-же подь 2 іюня 1844 г., 17 авг. и 10 ноябр. 1845 г. Ср. Сборн. постан. т. II стр. 799 сл.

2) Сб. пост. X, 793.

3) Тамъ-же. Дополненіе 1867 г. стр. 903.

4) Сб. распоряженій IV, 674.

русскаго права, русскому государственному праву, институціямъ римскаго права и энциклопедіи права¹⁾. Но вскорѣ эта мѣра была проведена и по отношенію къ другимъ кафедрамъ названнаго факультета.

Что касается прочихъ факультетовъ, то еще въ предложеніи попечителя совѣту отъ 4 ноября 1886 г. въ отвѣтъ на ходатайство (отъ 16 іюля 1886 г.) объ учрежденіи кафедры теоретической хирургіи, было разъяснено, что министръ былъ бы готовъ дать дальнѣйшее движеніе этому ходатайству, если бы въ виду возрастающаго числа русскихъ студентовъ можно было ввести преподаваніе названнаго предмета на русскомъ языкѣ; но что увеличеніе кафедръ съ нѣмецкимъ языкомъ не представляется возможнымъ²⁾.

Съ 1889 г. при назначеніи новыхъ профессоровъ или оставленіи на слѣдующія пятилѣтія старыхъ, по факультетамъ: историко-филологическому (напр. проф. Озе, отъ 9 ноября 1889 г.), физико-математическому (доц. Таммана, 13 ноября 1889 г.; проф. Лемберга, 18 марта 1891 г.; проф. Шварца, 23 апр. 1892) и медицинскому (проф. Кербера, 12 Февр. 1890 г.; доц. Цеге-фонъ-Мантейфеля, 13 ноября 1889 г.), ставилось условіе, что по первому требованію правительства лица эти обязываются перейти къ русскому преподаванію³⁾.

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о языкѣ преподаванія находились и указы: 1) отъ 24 ноября 1889 г., коимъ измѣнены нѣкоторые параграфы устава 1865 г., относящіеся къ порядку назначенія на должности ректора, декановъ и профессоровъ⁴⁾ и 2) отъ 9 марта 1892 г. о возвышеніи раз-

1) Циркуляры по Дерптск. уч. окр. за 1889 г. стр. 341. Слѣдуетъ отмѣтить, что еще въ Указѣ 6 іюля 1887 г. при назначеніи проф. Мейкова на кафедру римскаго права предписано было предметъ этотъ преподавать на русскомъ языкѣ. Тамъ-же за 1887 г. стр. 402.

2) Дѣло Совѣта о русс. яз..

3) Тамъ-же.

4) Циркуляры по Д. у. о. за 1889 г. стр. 691.

мѣра пенсій тѣмъ профессорамъ Юрьевскаго университета, кои читають лекціи на русскомъ языкѣ¹⁾.

Нѣсколько позже, именно 12 дек. 1892 г. попечитель Н. А. Лавровскій обратился къ университету съ запросомъ: кто изъ преподавателей его, читающихъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ, хотя и состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, можетъ перейти немедленно или въ теченіе 1893/4 уч. года къ преподаванію на русскомъ языкѣ и кому изъ нихъ потребуется для сего отсрочка? На основаніи полученныхъ на этотъ запросъ отвѣтовъ по распоряженію министра н. пр. гр. Делянова (отъ 5. февр. 1893 г.) установленъ былъ для сего крайній двухлѣтній срокъ. Въ сторонѣ оставленъ былъ пока только богословскій факультетъ, относительно котораго въ предложеніи отъ 12 марта 1893 г. было сказано: „Его Сіятельство не призналъ возможнымъ сдѣлать какое либо распоряженіе о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ на богословскомъ факультетѣ въ виду тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ находится этотъ факультетъ и неудобствъ, которыя могутъ встрѣтиться при введеніи русскаго языка въ преподаваніи предметовъ сего факультета. Но если бы оказалось изъ числа профессоровъ лицо, извѣстное въ ученомъ мірѣ по своимъ научнымъ и преподавательскимъ достоинствамъ, изъявившее желаніе читать тотъ или другой предметъ на русскомъ языкѣ, то Его Сіятельство не преминетъ войти въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами о дозволеніи такому профессору чтенія лекцій по избранному предмету на русскомъ языкѣ“²⁾.

Въ новѣйшее время, по петиціямъ нѣкоторыхъ латышскихъ и эстонскихъ приходовъ, возбужденъ вопросъ объ учрежденіи по пастырскому богословію параллельныхъ профессуръ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, знаніе которыхъ еще въ 1845 г. было признано необходимымъ Гене-

1) Тамъ-же за 1892 г. стр. 108.

2) Дѣло Совѣта о русс. яз.

ральной еванг.-лютеранскою консисторією¹⁾; но то или другое рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ настоящаго сообщенія.

Что касается иностранныхъ профессоровъ, преподающихъ на нѣмецкомъ языкѣ по занимаемымъ ими каѳедрамъ историко-филологическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, то по отношенію къ этимъ профессорамъ пока еще не послѣдовало никакихъ распоряженій о переходѣ къ русскому преподаванію. Невольно вспоминается при этомъ резолюція Императора Николая I отъ 12 янв. 1851 г. по вопросу о вызовѣ для Юрьевскаго университета профессоровъ изъ чужихъ краевъ: „я имѣю слишкомъ высокое мнѣніе о Дерптскомъ университетѣ, чтобы усомниться въ возможности обходиться ему безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, полагая, что въ числѣ приготовленныхъ имъ ученыхъ можно безъ затрудненія находить у насъ дома такихъ, которые, будучи допущены къ преподаванію высшихъ наукъ, сдѣлаютъ честь университету и, по удовлетвореніи требуемымъ условіямъ, займутъ съ пользою вакантныя каѳедры“²⁾. Нужно впрочемъ отмѣтить, что аналогичное желаніе выражено было и Императоромъ Павломъ (въ 1800 г.), который признавалъ необходимымъ для проектированнаго протестантскаго университета ограничиваться находящимися въ Россіи учеными. Но Александръ I въ 1801 г. разрѣшилъ выписывать такихъ ученыхъ и изъ заграницы³⁾.

И въ вышеупомянутомъ докладѣ министра нар. пр. отъ 15 мая 1853 г. объ учрежденіи каѳедры русской исторіи было выражено требованіе, чтобы она была „занята кореннымъ русскимъ профессоромъ, вполне оживленнымъ чувствомъ любви къ своему отечеству“⁴⁾.

Къ вопросу о языкѣ преподаванія примыкаетъ затѣмъ

1) Сб. распоряженій II, 801.

2) Дополн. къ Сб. постановл. стр. 867.

3) Das erste Jubelfest der Kais. Univ. Dorpat. 1828 г. стр. 25.

4) Дополн. къ Сб. постан. стр. 903.

и вопросъ о языкѣ испытаній, диспутовъ, диссертаций и другихъ научныхъ изданій университета и состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ. Въ актахъ прежняго времени мнѣ не удалось отыскать указаній правительства по этому предмету. Таковыя появляются лишь въ послѣдніе годы, со времени преобразования университета. Такъ предложеніе попечителя отъ 27 янв. 1893 г. предписываетъ производить впредь испытанія на званіе учителя на русскомъ языкѣ, по правиламъ 1870 г.; 5 мая 1894 г. предписано было, чтобы на русскомъ языкѣ производились всѣ экзамены и диспуты преподавателями, читающими на этомъ языкѣ свои лекціи; то же требованіе предполагается и въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 окт. 1894 г. о примѣненіи къ Юрьевскому юридическому факультету положенія о государственной испытательной комиссіи, за изъятіемъ установленнаго въ прочихъ университетахъ двадцатирублеваго взноса съ каждаго испытуемаго въ комиссіи; предложеніемъ министра нар. пр. отъ 19 авг. 1893 г. установлено было, чтобы диссертации на ученые степени были представляемы на государственномъ языкѣ тѣми соискателями, которые окончили гимназіи на русскомъ языкѣ или состоятъ преподавателями на ономъ; предложеніемъ министра нар. пр. отъ 22 сент. 1893 г. признано цѣлесообразнымъ установить, чтобъ рѣчи, произносимыя на актѣ 12 дек., были составляемы на русскомъ языкѣ, причемъ рѣчи, написанныя лицами не знающими русскаго языка по-нѣмецки, могутъ быть произносимы въ русскомъ переводѣ, изготовляемомъ подъ редакціей факультета университетскимъ переводчикомъ, а нѣмецкій текстъ оныхъ можетъ печататься въ университетскихъ изданіяхъ.

Что касается „Ученыхъ Записокъ“ университета, то по правиламъ объ ихъ изданіи отъ 4 дек. 1892 г. къ напечатанію въ нихъ допускаются статьи какъ на русскомъ, такъ и на другихъ распространенныхъ европейскихъ языкахъ.

Въ уставахъ существующихъ нынѣ при университетѣ трехъ ученыхъ обществъ: 1. эстонскаго, 2. естествоиспы-

тателей и Э. учено-литературнаго не имѣется никакихъ постановленій относительно языка докладовъ и публикацій, но по установившемуся обычаю въ первомъ безраздѣльно господствуетъ языкъ нѣмецкій, во второмъ русскій началъ проникать лишь въ самое послѣднее время, въ третьемъ же, возникшемъ по почину русскихъ профессоровъ, нѣмецкій языкъ вовсе не употребляется.

Переходя затѣмъ отъ ученой дѣятельности университета къ учебной и отъ преподавателей его къ студентамъ, мы увидимъ, что со стороны правительства не было недостатка въ напоминаніяхъ о необходимости изученія русскаго языка, но долгое время они оказывались напрасными.

Такъ еще 25 мая 1804 г. совѣтъ университета, по предложенію попечителя Клингера, постановилъ при выдачѣ дипломовъ обращать вниманіе на знаніе русскаго языка студентами, особенно юристами, врачами и государствомъдами. Въ росписаніи предметовъ для студентовъ, желавшихъ поступать въ военную службу (іюль 1807 г.), на первомъ планѣ поставленъ „россійскій языкъ, причемъ наиболѣе наблюдается, чтобы на ономъ могъ говорить испытуемый“¹⁾. По Высочайшему повелѣнію отъ 20 янв. 1819 г. къ числу предметовъ, по коимъ студентъ долженъ экзаменоваться для полученія ученыхъ степеней, принадлежитъ и русскій языкъ. Въ средѣ профессоровъ долгое время велись споры объ объемѣ требованій по этому предмету. Проф. Перевощиковъ въ мнѣніи отъ 8 окт. 1821 г. считалъ для медиковъ и другихъ студентовъ необходимымъ: пройти съ лекторомъ русскаго языка этимологию онаго и упражняться въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, а затѣмъ подъ руководствомъ профессора русскаго языка и литературы изучить синтаксисъ и прочія части грамматики, упражняясь также въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій и въ разговорахъ, причемъ для болѣе успѣвшихъ полагается еще изученіе исторіи русской

1) Сб. распор. I, 147.

литературы и сочиненій лучшихъ писателей. Тѣ же приблизительно требованія по сему предмету формулированы и въ „Временныхъ правилахъ педагого-филологическаго семинарія“, отъ 25 мая 1822 г. Въ совѣтскомъ опредѣленіи 9 дек. 1822 г. постановлено было „засадить на каникулы въ карцеръ“ тѣхъ медиковъ-стипендіатовъ, которые не оказали усилъ въ русскомъ языкѣ. Когда же въ засѣданіи совѣта 18 окт. 1823 г. высказано было предположеніе, что на градуальныхъ испытаніяхъ студентовъ камеральнаго и военнаго отдѣленій можно ограничиться по русскому языку программой С.-Петербургской школы для колонновожатыхъ (отъ 24 авг. 1823 г.), а отъ прочихъ студентовъ требовать только перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, то попечитель кн. Ливенъ въ отвѣтъ на запросъ по сему дѣлу совѣта отъ 18 дек. 1823 г. заявилъ, что никакъ не можетъ согласиться со столь слабыми требованіями по русскому языку и наоборотъ полагаетъ, что испытываемые должны по меньшей мѣрѣ правильно читать и писать по-русски, хорошо переводить съ русскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на русскій и хоть съ нѣкоторою легкостью объясняться по-русски.

Правда, совѣтъ далъ этому распоряженію ограничительное толкованіе, постановивъ руководствоваться имъ лишь при испытаніяхъ студентовъ дипломатіи и военныхъ наукъ. Но все же оно не осталось безъ вліянія, такъ что напр. правленіе университета въ засѣданіи 9 февр. 1825 г. постановило заключать въ карцеръ тѣхъ студентовъ медицины, кои не держатъ въ концѣ семестра испытаній по русскому языку 1).

8 ноября 1824 г. объявлено было университету Высочайшее повелѣніе, „чтобы по Дерптскому университету и всѣмъ училищамъ его вѣдомства обращено было вниманіе на преподаваніе русскаго языка, подобно какъ сіе исполняется въ другихъ университетскихъ округахъ,

1) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ.

дабы впоследствии не могло быть затрудненія присоединить училища Псковской губерні къ вѣдомству Дерптскаго университета“¹⁾.

Въ засѣданіи 6 іюня 1827 г. совѣтъ призналъ необходимымъ требовать при испытаніяхъ: на званія дѣйств. студента по юридическому и историко-филологическимъ факультетамъ — умѣнья переводить съ русскаго языка на нѣмецкій, а на степень кандидата — умѣнья перевести письменно статью нѣмецкую на языкъ русскій, оставивъ требованія по богословскому и медицинскому факультетамъ безъ измѣненій²⁾.

Нѣсколько позже, 23 авг. 1827 г. совѣтъ призналъ необходимымъ отъ поступающихъ въ медицинскій институтъ требовать знанія русской этимологіи, умѣнья свободно переводить съ русскаго языка на нѣмецкій и устно объясняться по-русски³⁾.

Тогда же, во исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ Высочайше утвержденномъ „Положеніи о евангелическо-лютеранскомъ семинаріи при Дерпскомъ университетѣ“, на членовъ этого семинарія возложена была обязанность прилежно заниматься русскимъ языкомъ и сдавать по оному экзаменъ въ концѣ каждаго семестра и затѣмъ — при выпускѣ⁴⁾.

16 мая 1829 г. мин. нар. пр. кн. Ливень предписалъ совѣту объявить всѣмъ учащимся, что никто изъ нихъ не будетъ утвержденъ ни въ одной ученой степени, если на испытаніи не докажетъ знаній своихъ въ русскомъ языкѣ. Въ мотивировкѣ этого предложенія сказано, что онъ, кн. Ливень, еще будучи попечителемъ, старался, чтобы въ училищахъ Дерптскаго уч. округа обучали русскому языку и чтобы всѣ студенты, не исключая и своекоштныхъ, при ис-

1) Сб. постанов. I, 1603. Ср. дѣло Совѣта о русс. яз. подъ 24 мая 1825 г.

2) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же.

пытаніяхъ на ученую степень сдавали экзамень по русскому языку, ибо всѣ русскіе подданные, обучающіеся въ русскихъ университетахъ, должны знать господствующій въ государствѣ языкъ, такъ что „особаго предписанія на сіе не нужно“¹⁾.

Но впослѣдствіи, по ходатайству совѣта отъ 12 іюня 1829 г. министръ согласился изъять изъ этого правила своекоштныхъ богослововъ, въ виду того, что они должны изучать въ университетѣ, сверхъ языковъ греческаго и еврейскаго, одинъ изъ мѣстныхъ языковъ, т. е. эстонскій или латышскій, „отъ основательнаго знанія коего всего болѣе зависитъ и ихъ пригодность къ службѣ“²⁾.

Новый рядъ аналогичныхъ предписаній открывается Высочайшимъ указомъ 16 дек. 1836 г., коимъ повелѣно во 1) „строго подтвердить Дерптскому учебному округу, чтобы никто не былъ удостоенъ званія дѣйств. студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка и во 2) черезъ нѣтъ лѣтъ никого въ сей университетъ не принимать въ студенты, ежели не выдержитъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка³⁾.

Сообщивъ совѣту объ этомъ указѣ, попечитель Крафстремъ предписалъ (26 дек. 1836 г.) впредь доносить ему о результатахъ испытаній въ русскомъ языкѣ при удостоеніи званій дѣйствит. студента и кандидата⁴⁾.

27 марта 1837 г. попечитель разъяснилъ совѣту, что указъ 16 дек. 1836 г. не распространяется на иностранцевъ, окончившихъ заграничные университеты и только экзаменующихся въ Дерптскомъ, но строго долженъ быть примѣняемъ ко всѣмъ русскимъ подданнымъ, обучавшимся въ Дерптскомъ университетѣ или испытываемымъ въ немъ⁵⁾.

1) Сб. распор. I, 703—705. Ср. дѣло Совѣта о русс. яз. подъ 19 іюня 1829 г.

2) Дѣло о русс. яз. подъ 12 іюля 1829 г.

3) Сб. постан. II, 950.

4) Дѣло Совѣта о русс. яз.

5) Тамъ-же.

Предложеніемъ отъ 23 авг. 1838 г. такое ограниченіе допущено и къ провизорамъ изъ иностранцевъ, отъ которыхъ по уставу врачебному знаніе русскаго языка требуется лишь въ случаѣ открытія ими на свое имя аптекъ¹⁾.

Указомъ 15 дек. 1839 г. пятилѣтній срокъ, опредѣленный Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 16 дек. 1836 г. по ходатайству министра н. пр. продленъ до 16 дек. 1845 г., причемъ ассигнована была съ 1 янв. 1840 г. особая сумма (143 р. с.) на поощреніе успѣховъ по русскому языку²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано „всѣ правила, относящіяся до изученія русскаго языка, считать равно относящимися и къ богословскому факультету на томъ основаніи, что по § 138 „Устава евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи“ право проповѣдывать дается только тѣмъ, кто о достаточномъ знаніи русскаго языка представитъ надлежащее свидѣтельство“. Въ Высочайшей резолюціи по сему предмету было прибавлено:

„Я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступать въ учителя русскаго языка въ самомъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ“³⁾.

31 янв. 1840 г. совѣтъ, по требованію попечителя, постановилъ не допускать впредь къ учительскимъ испытаніямъ лицъ, которые ранѣе не дадутъ урока по своему предмету на русскомъ языкѣ, въ присутствіи профессора русскаго языка и словесности⁴⁾.

8 июня 1845 г. министръ предписалъ совѣту: во 1) отъ всѣхъ, поступающихъ въ Дерптскій университетъ, съ 16 дек. 1845 г. требовать, чтобы они въ состояніи были написать по-русски сочиненіе на заданную тему или перевести съ нѣ-

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же.

3) Сб. постанов. II, 1221, 1224.

4) Дѣло о русс. яз.

мецкаго на русскій языкъ данный отрывокъ, безъ ошибокъ, вредящихъ смыслу, и чтобы они легко понимали прозаическія и поэтическія произведенія болѣе извѣстныхъ русскихъ авторовъ 18 и 19-го в. и могли объясняться по-русски если не вполне чисто, то безъ замѣтныхъ затрудненій, хотя бы и съ не совсѣмъ правильнымъ выговоромъ; во 2) съ отмѣткою 3 (порядочно) по-русскому языку въ студенты не принимать, а только съ отмѣткою 2 (хорошо); въ 3) такихъ же познаній требовать отъ выпускаемыхъ студентовъ, поступившихъ не ранѣе января 1845 г.; отъ тѣхъ же изъ нихъ, кто поступилъ позже этого времени, требовать при испытаніяхъ на ученія степени и званія полного умѣнія выражать свои мысли на русскомъ языкѣ, причемъ ошибки грамматическія не допустимы, а развѣ стилистическія; въ 4) по прежнему вносить въ дипломы отмѣтку по русскому языку, впредь до особыхъ распоряженій; въ 5) для большаго и точнѣйшаго упражненія студентовъ въ русскомъ языкѣ, необходимо на каждомъ факультетѣ преподавать на русскомъ языкѣ, сверхъ русской литературы, еще одинъ предметъ . . . Конечно, на богословскомъ факультетѣ таковымъ долженъ быть предметъ не изъ богословской области¹⁾.

Въ засѣданіи 5 ноября 1845 г. совѣтъ по представленію профессора русскаго языка Розберга (отъ 4 ноября), призналъ возможнымъ достигнуть достаточнаго знакомства съ русскимъ языкомъ студентовъ, не прибѣгая къ преподаванію на ономъ одного изъ факультетскихъ предметовъ, если принять слѣд. правила:

1. студенты, принятые въ университетъ съ посредственными знаніями по русскому языку, обязаны прослушать: 2 семестра у лектора русскаго языка (устные переводы съ нѣмецкаго на русскій, съ грамматическими объясненіями); 4 семестра у профессора русскаго языка (изъ нихъ 2 семестра для объясненія русскихъ прозаиковъ и поэтовъ и 2 сем.

1) Дѣло Совѣта о русс. яз. Ср. Сб. распор. II, 828 сл.

для практическихъ упражненій въ письменныхъ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій и въ сочиненіяхъ);

2. поступившіе съ хорошими познаніями по русскому языку должны слушать 1 семестръ у лектора и 4 сем. у профессора русскаго языка;

3. поступившіе съ весьма хорошими познаніями должны заниматься подъ руководствомъ профессора 1 семестръ объясненіями русскихъ авторовъ и 2 сем. практическими упражненіями;

4. посѣщеніе лекцій по исторіи русской литературы и испытаніе въ оной требуютъ только отъ студентовъ дипломатіи, филологіи, исторіи и особенно русской литературы¹⁾.

На представленіе по сему предмету совѣта, попечитель Крафстремъ въ предложеніи отъ 4 дек. 1845 г. потребовалъ разъясненія для доклада министру нар. пр., почему Совѣтъ признаетъ возможнымъ требовать отъ лучшихъ студентовъ занятій русскимъ языкомъ въ теченіе 3 семестровъ, отъ среднихъ — въ теченіе 5 сем., а отъ слабыхъ — въ теченіе 6 сем., тогда какъ по утвержденному въ 1839 г. плану факультетскихъ занятій всѣ студенты обязаны заниматься русскимъ языкомъ въ теченіе всего своего пребыванія въ университетѣ?

Разъясненіе, составленное проф. Розбергомъ (14 дек. 1845 г.), заключалось въ томъ, что новый планъ представляетъ не уменьшеніе занятій студентовъ русскимъ языкомъ, а скорѣе усиленіе, ибо во 1. по дѣйствующему плану на философскомъ факультетѣ, хотя русскій языкъ и причисленъ къ наукамъ, необходимымъ для полноты курса, но безъ ближайшаго опредѣленія, какъ онъ долженъ быть преподаваемъ и безъ указанія, что посѣщеніе лекцій по этому предмету обязательно въ теченіе всего времени, назначеннаго для прохожденія отдѣльныхъ специальностей; во 2. въ учебныхъ планахъ медицинскаго, юридическаго и богословскаго факуль-

1) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ.

тетовъ, хотя ясно сказано, что изученіе русскаго языка должно продолжаться въ теченіе всего курса, но не указано точно, какія части этого предмета и въ какой послѣдовательности должны быть проходимы. . . . Вслѣдствіе того многіе медики, экономы и юристы записывались-де только на исторію русской литературы, т. е. предметъ, который не ведетъ къ непосредственнымъ упражненіямъ въ русскомъ языкѣ и читается всего по 1 часу.

Въ виду этихъ соображеній министръ предложеніемъ отъ 17 янв. 1846 г. призналъ возможнымъ не настаивать на преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ и утвердилъ планъ совѣта въ видѣ опыта на 6 семестровъ съ тѣмъ, чтобы исполненіе въ этомъ отношеніи Высочайшей воли было предметомъ постоянной заботы университета ¹⁾).

Въ протоколѣ совѣта отъ 17 іюня 1846 г. имѣется постановленіе, чтобы на градуальныхъ испытаніяхъ богословскаго факультета отъ испытуемыхъ требовались такія же познанія въ русскомъ языкѣ, какъ и по прочимъ факультетамъ, въ виду предписаній министра нар. пр. отъ 8 іюля 1845 г. и попечителя отъ 17 іюля 1845 г. ²⁾).

Въ послѣдніе годы управленія округомъ попечителя Крафстрема (по 7 сент. 1854 г.) и въ первые годы — фонъ Брадке (съ 20 сент. 1854 г. по 3 апр. 1862 г.) какъ будто ослабѣваетъ интересъ правительства къ положенію въ Юрьевскомъ университетѣ русскаго языка. Отъ этого времени имѣется только указаніе, что по учебнымъ планамъ 26 авг. 1849 г., 16 сент. 1851 г. и 14 февр. 1853 г. всѣ студенты должны были слушать лекціи русскаго языка по 4—6 семестровъ, въ зависимости отъ отбѣтокъ пріемнаго испытанія ³⁾), какъ это установлено было въ 1845 г.

По учебному плану 14 апр. 1860 г. всѣ студенты обя-

1) Дѣло Сов. о русс. яз. подъ 5 ноября, 4 дек., 28 дек. 1845 г. и 25 янв. 1846 г.

2) Тамъ-же.

3) Сб. распор. III, 61, 147.

заны были въ теченіе 2—3 семестровъ упражняться въ письменныхъ и устныхъ переводахъ на русскій языкъ и въ объясненіи русскихъ авторовъ, а на испытаніи должны были обнаружить знакомство съ болѣе извѣстными русскими писателями 18 и 19 вв., умѣнье плавно и точно переводить съ русскаго на нѣмецкій и обратно, а также безъ затрудненій говорить по-русски и писать безъ крупныхъ грамматическихъ погрѣшностей, за изъятіемъ развѣ не вполне русскихъ оборотовъ. Отъ специалистовъ по этому плану требовалось нѣсколько больше, но и имъ были извиняемы невольныя русскіе обороты при письменномъ изложеніи.

Правила эти держались до недавняго времени, причемъ лишь сроки испытаній по русскому языку были точнѣе определены совѣтомъ въ 1884 г.

Въ 1889 г. 12 янв. попечитель Капустинъ предложилъ совѣту обсудить мѣры для усиленія знаній по русскому языку тѣхъ студентовъ, которые готовятся быть учителями, а по мѣстнымъ языкамъ тѣхъ, которые призваны быть катехетами.

12 сент. 1893 г. утверждены были министромъ нар. пр. новыя правила испытаній по русскому языку, объявленныхъ впредь обязательными не для всѣхъ студентовъ, а только для тѣхъ, которые окончили курсъ гимназій на нѣмецкомъ языкѣ или приняты въ университетъ по аттестатамъ заграничныхъ гимназій. На испытаніяхъ этихъ требуется полное теоретическое и практическое знакомство съ русскимъ языкомъ, удостовѣряемое клаузурною письменною работою и устными объясненіями по содержанию этой работы.

Что касается затѣмъ языка университетскаго дѣлопроизводства и переписки съ другими правительственными лицами и мѣстами, то изъ уставовъ 1803 (§ 87) и 1820 (§ 75) годовъ, именно изъ учрежденія по онымъ должности перевод-

чика при совѣтѣ, возложенной на лектора русскаго языка, видно, что университету уже въ первые годы его существованія приходилось кое съ кѣмъ переписываться по-русски.

То же доказывается слѣдующими словами названныхъ уставовъ о профессорѣ россійскаго языка и словесности: „профессоръ сей кафедры ведетъ россійскую переписку по препорученіямъ совѣта“. Изъ протоколовъ совѣта отъ 25 апр. 1810 г. видно, что по требованію государственнаго контроля университетская отчетность представлялась тогда на 2 языкахъ: русскомъ и нѣмецкомъ.

Въ засѣданіи же совѣта 8 мая 1812 г. между прочимъ заслушано было предписаніе министра нар. пр. Разумовскаго — сноситься съ нимъ на болѣе правильномъ русскомъ языкѣ. По этому поводу совѣтъ рѣшилъ доложить министру, что университетъ не имѣетъ средствъ для найма еще одного русскаго переводчика и для содержанія русской канцеляріи, что представляется-де тѣмъ болѣе извинительнымъ, что въ теченіе уже 8—9 лѣтъ университетъ имѣлъ разрѣшеніе писать свои представленія по-нѣмецки¹⁾.

Къ этому вопросу имѣетъ нѣкоторое отношеніе и Высочайшее повелѣніе отъ 16 дек. 1836 г., „чтобы впредь на свободныя мѣста директоровъ гимназій, ихъ помощниковъ и начальниковъ училищъ опредѣлять чиновниковъ преимущественно изъ русскихъ, съ исключеніемъ въ пользу тѣхъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, которые, при требуемыхъ для того качествахъ и способностяхъ, будутъ хорошо знать русскій языкъ; и по мѣрѣ таковыхъ измѣненій въ начальникахъ и самомъ составѣ учебныхъ заведеній постепенно вводить производство училищныхъ дѣлъ на русскомъ языкѣ, въ чемъ должна подавать примѣръ канцелярія попечителя и общее управленіе учебнаго округа въ новомъ его видѣ²⁾).

Къ сожалѣнію, это Высочайшее повелѣніе не было въ

1) Дѣло Сов. о русс. яз.

2) Сб. пост. IV, 1434 сл.

свое время опубликовано, а сообщено секретно попечителю (отъ 19 дек. 1836 г.), съ предписаніемъ приводить оное въ исполненіе постепенно, по мѣрѣ возможности.

12 марта 1841 г. попечитель предложилъ совѣту, чтобы университетскія присутствія употребляли впредь русскій языкъ въ перепискѣ съ департаментомъ нар. пр., а равно въ приложеніяхъ и счетахъ, для облегченія дѣлопроизводства и контроля. По поводу этого предложенія совѣтъ возложилъ на юридическій факультетъ дать заключеніе о томъ, какъ возможно исполнить означенное предложеніе, не отступая отъ существующихъ законовъ и привиллегій университета. Заключеніе по сему предмету, отъ 10 апр. 1841 г. состояло въ слѣдующемъ :

„Управленіе Лифляндской области и ея дѣловой языкъ — нѣмецкіе. Когда область эта подчинилась Польшѣ, то нѣмецкое управленіе обезпечено было за нею въ § 9 пунктѣ 5 договора объ этомъ подчиненіи отъ 28 ноября 1561 г., а также статьею 4 привиллегіи Сигизмунда Августа отъ 28 ноября 1561 г. и статьею 9 § 1 союзнаго договора отъ 16 дек. 1566 г. Шведское правительство, какъ позднѣйшій обладатель Лифляндіи, подтвердило ея привиллегіи, слѣдов. и вышеуказанную. То же сдѣлала Россія, когда ей досталась эта область. Въ 6-омъ „Аккордномъ пунктѣ“ отъ 29 іюня 1710 г. она разрѣшила рыцарству нѣмецкое управленіе, а въ § 10-омъ капитуляціи г. Риги отъ 4 іюля 1710 г. дозволила, чтобы „въ этомъ городѣ и его области не были назначаемы новые судьи и чтобы нѣмецкій языкъ оставался въ канцеляріяхъ и перепискѣ“ ; въ Высочайшей же резолюціи отъ 1 марта 1712 г. на Меморіалъ рыцарства положительно сказано въ § 6-омъ: „область должна сохранить привиллегію Сигизмунда Августа“. Въ § 27-мъ дѣйствующаго донинѣ Генеральнаго регламента Петра В. отъ 27 февр. 1720 г., трактующаго о различіи областей, сказано буквально слѣдующее : „Понеже русскому скипетру подчинены и находятся подъ славнымъ управленіемъ Его Величества сверхъ русскихъ

царствъ и земель различныя провинціи и владѣнія, имѣющія особыя привилегіи, то каждая коллегія обязана объ этомъ освѣдомиться, снять копии съ тѣхъ привилегій и трактовать каждую націю по Всемилостивѣйше утвержденнымъ Его Имп. Величествомъ привилегіямъ и правамъ“. Ништадтскій миръ, заключенный 30 авг. 1721 г. между Россіей и Швеціей, вновь подтвердилъ оныя, что и позже случалось со стороны отдѣльныхъ правительствъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ оговорокъ и обѣщаній нѣмецкій языкъ былъ и остается и подъ русскимъ верховенствомъ дѣловымъ языкомъ Лифляндскихъ присутствій. Всегда онъ былъ признаваемъ таковымъ. Такъ, между прочимъ, сенатъ указомъ отъ 28 іюня 1761 г. повелѣлъ отправить въ Остзейскія области нѣсколько коллежскихъ и титулярныхъ юнкеровъ (Titulärjunger), знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, для изученія нѣмецкаго права и экономическихъ условій, въ виду того, что въ этихъ областяхъ судьи и секретари набираются нерѣдко изъ иностранцевъ, недостаточно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, такъ что поступающіе отъ нихъ акты съ переводами представляютъ для сената не мало трудностей. Высочайшимъ же указомъ отъ 3 іюля 1783 г. объ учрежденіи Рижскаго намѣстничества не только разрѣшено нѣмецкое дѣлопроизводство въ этой области, за исключеніемъ казенной палаты и ея экспедицій по отчетности, представляемой въ имперское казначейство (Reichsschatzmeisterei), — но учреждена при губернскомъ правленіи особая русская экспедиція, чрезъ которую донинѣ отправляются на русскомъ языкѣ нѣмецкіе отпуски провинціальныхъ присутствій, адресованные въ русскія присутствія. Наконецъ и Высочайше утвержденное нынѣ царствующимъ Государемъ 28 дек. 1832 г. „Положеніе объ евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи“ въ § 306 разрѣшаетъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской консисторіямъ употреблять нѣмецкій языкъ въ докладахъ министру внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ консисторіи Петербургская и Московская обязаны ихъ представлять на русскомъ языкѣ. Подобно

тому, какъ губернское правленіе по Высочайшему повелѣнію отъ 5 іюля 1783 г. является посредствующимъ органомъ для нѣмецко-русскихъ дѣлъ въ провинціи, такъ и управленіе округа служить такимъ посредникомъ для Имп. Дерптскаго университета, который по § 1-ому устава 1820 г. предназначается особенно для Лифлянді, Эстлянді и Курлянді, а по § 2-ому образуетъ изъ этихъ провинцій свой учебный округъ и пользуется дарованными для Лифлянді преимуществами, — по крайней мѣрѣ о такой роли окружнаго управленія можно утверждать по отношенію къ дѣламъ, восходящимъ отъ университета къ центральному правительству въ С.-Петербургѣ.

„Но принимая во вниманіе, что нѣкоторыя административныя дѣла университета направляются непосредственно въ департаментъ нар. просвѣщенія и, конечно, могутъ тамъ причинить затрудненія въ письменномъ оборотѣ, особенно же при контролѣ счетовъ съ приложеніями, то юридическій факультетъ полагалъ бы — въ видахъ и охраненія своихъ привилегій и облегченія дѣлопроизводства — наиболѣе удобнымъ выходомъ изъ этого рода затрудненій такой пріемъ, чтобы всѣ представленія, направляемыя непосредственно въ департаментъ за подписью ректора, писались по-нѣмецки, но съ приложеніемъ русскаго перевода, сдѣланнаго и скрѣпленнаго лекторомъ русскаго языка, какъ присяжнымъ переводчикомъ. При этомъ само собою разумѣется, что ректоръ — нерѣдко иностранецъ — былъ бы отвѣтственъ только за подписанный имъ нѣмецкій подлинникъ, а лекторъ — только за точность подписаннаго имъ перевода“.

Докладъ этотъ былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта 14 апр. 1841 г., причемъ было постановлено: принять къ исполненію предложеніе попечителя указаннымъ въ заключеніи способомъ, сообщить о томъ казначейству и донести попечителю ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1842 г. правленіе обсуждало отношеніе

1) Дѣло Совѣта о русс. яз. подъ 10 и 14 апр. 1841 г.

Динабургской комиссаріатской комиссіи отъ 18 мая 1842 г. слѣдующаго содержанія: „Полученное отношеніе онаго Правленія отъ 1 сего мая, писанное на нѣмецкомъ языкѣ безъ русскаго перевода, Комиссія на основаніи ст. 1744 т. X Св. гражд. зак. при семь честь имѣетъ препроводить въ Правленіе университета“. Отвѣтъ на это отношеніе правленія, отъ 2 іюня 1842 г. былъ слѣдующій: „Хотя нѣмецкій языкъ для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской ничуть не можетъ почитаться за иностранный языкъ; напротивъ того, по существующимъ донынѣ привиллегіямъ для присутственныхъ мѣстъ этихъ провинцій есть тотъ самый языкъ, на которомъ производятся всѣ дѣла, почему и приведенные въ отношеніи Динаб. комм. комиссіи отъ 18 мая с. г. мѣсто изъ Св. зак. т. X ст. 1744 не можетъ относиться къ вышеупомянутому случаю; при всемъ томъ университетское Правленіе, желая исполнить просьбу (!) Комиссіи въ уваженіе того, что въ оной можетъ быть нѣтъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, препровождаетъ при семь переводы на русскій языкъ съ отношеній отъ 1 и 22 мая с. г. касательно высылки прогонныхъ денегъ для медицинскихъ казенныхъ воспитанниковъ Дерптскаго университета, именно для Риттера и Циммермана¹⁾).

Возбужденный Динабургской ком. комиссіей вопросъ въ скоромъ времени получилъ законодательное разрѣшеніе въ ст. 121 ч. I Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ (СПб. 1845 г.), гдѣ сказано:

„Въ присутственныхъ мѣстахъ Остзейскихъ губерній производятся дѣла вообще на нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ лишь мірскихъ крестьянскихъ судовъ, въ коихъ оныя производятся на мѣстныхъ по принадлежности языкахъ леттскомъ и эстскомъ. Примѣчаніе. Для составленія бумагъ на русскомъ языкѣ въ сношеніяхъ съ общими государственными мѣстами и установленіями и съ присутственными мѣстами

1) Дѣло Совѣта о русс. яз.

другихъ губерній, находятся въ присутственныхъ мѣстахъ губерній Остзейскихъ особыя экспедиціи или переводчики“.

Эта статья съ нѣкоторыми дополненіями воспроизведена была въ Высочайше утвержденномъ (3 янв. 1850 г.) положеніи комитета министровъ слѣдующаго содержанія: во 1) подтвердить губернскимъ присутствіямъ и всѣмъ вообще короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на русскомъ языкѣ всю переписку не только съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами всѣхъ Остзейскихъ губерній, но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ, присутственными и правительственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще находящимися въ тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ, во 2) генералъ-губернатору наблюдать, чтобы впредь члены присутствій коронныхъ мѣстъ и высшіе въ нихъ канцелярскіе чиновники были опредѣляемы преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ въ русскомъ языкѣ познанія, достаточныя для производства на ономъ языкѣ; въ 3) съ 1-аго января 1858 г., т. е. по окончаніи начинающими въ 1850 г. свое высшее образованіе полнаго курса въ гимназіяхъ и университетѣ Дерптскаго уч. округа, во всѣ вообще должности какъ членовъ, такъ и канцелярскихъ чиновниковъ опредѣлять только лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ русскомъ языкѣ и могущихъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ; въ 4) когда главное мѣстное начальство признаетъ, что такихъ чиновниковъ во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ достаточное число, то войти оному съ особымъ представленіемъ о назначеніи положительнаго и опредѣлительнаго срока для введенія всего въ нихъ дѣлопроизводства на одномъ только русскомъ языкѣ¹⁾“.

1) Сб. постанов. IV, 1435. Ср. Ю. Самарина, Сочиненія т. VIII, стр. 111 сл.

Это Высочайшее повелѣніе своевременно сообщено было министромъ нар. пр. попечителю Дерптскаго уч. окр., причемъ затребованы были отъ него свѣдѣнія: какія мѣста и должностныя лица по всему вообще управленію округа производятъ дѣла на русскомъ языкѣ вполнѣ, какія — частью, и на какія и когда можетъ быть распространена вышесказанная мѣра? На этотъ запросъ попечитель отвѣтилъ въ донесеніи отъ 25 янв. 1850 г. что „переписка по управленію округа, по Дерптскому университету и Ветеринарному училищу, а равно директорами гимназій въ округѣ производилась и производится на русскомъ языкѣ съ тѣми присутствіями и правительственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла на русскомъ языкѣ; по уѣзднымъ же и другимъ училищамъ сего края не встрѣчаются еще случаи къ подобной перепискѣ“¹⁾.

Изъ этого отвѣта можно бы заключать, что и переписка попечителя съ Дерптскимъ университетомъ уже въ ту пору производилась по-русски. Но на дѣлѣ было иначе, какъ видно во 1) изъ указа 15 мая 1853 г. объ учрежденіи особой кафедры для русской исторіи, причемъ университету было предписано впредь печатать и разсылать „Обозрѣнія преподаванія“ не на нѣмецкомъ лишь языкѣ, что министръ признаетъ прямо неприличнымъ, а на русскомъ языкѣ, съ нѣмецкимъ переводомъ; во 2) изъ Высочайшихъ повелѣній по вопросу о языкѣ дѣлопроизводства въ Прибалтійскихъ губерніяхъ отъ 1 іюня 1867 г. и отъ 21 окт. 1869 г. Въ первомъ изъ этихъ указовъ постановлено обратить особое вниманіе министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями на настоятельную необходимость совокупными усиліями всѣхъ вѣдомствъ приступить къ безотлагательному на самомъ дѣлѣ исполненію Монаршей воли о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго края русскаго дѣлопроизводства, выраженной въ Высочайше утвержденномъ 3 янв.

1) Сб. постановл. IV, 1435 сл.

1850 г. положеніи комитета министровъ. Въ этомъ же указѣ (1 іюня 1867 г.) намѣченъ цѣлый рядъ мѣръ для усиленія преподаванія русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Д. уч. округа, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручено министру нар. пр. изыскать еще и другія средства, ведущія къ успѣшнѣйшему и скорѣйшему достиженію указанной цѣли, и предположенія свои по сему предмету внести въ комитетъ министровъ¹⁾. Во второмъ же изъ вышеупомянутыхъ указовъ (отъ 21 окт. 1869 г.) повелѣно: во 1) вмѣнить въ обязанность всеѣмъ учебнымъ заведеніямъ Д. уч. округа, содержимымъ вполнѣ или частію на средства казны, вести исключительно на русскомъ языкѣ переписку какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями Прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ губернскими присутственными мѣстами; и во 2) подтвердить дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 16 дек. 1836 г. объ опредѣленіи на должности директоровъ и инспекторовъ гимназій, а равно смотрителей уѣздныхъ училищъ — лицъ, которыя при требуемыхъ для сего качествахъ и способностяхъ будутъ основательно знать русскій языкъ²⁾.

Когда возникло потомъ сомнѣніе въ примѣнимости этого указа къ Дерптскому университету, а въ частности къ перепискѣ послѣдняго съ попечителемъ округа, то разсмотрѣніе этого вопроса возложено было на особое совѣщаніе, составленное по волѣ Императора Александра II изъ генераль-адъютанта Шувалова, генераль-губернатора Альбединскаго, министра нар. пр. гр. Д. А. Толстого и попечителя Дерптскаго уч. окр. Жерве. Совѣщаніе это единогласно признало необходимымъ разъяснить, что выраженное въ I-омъ пунктѣ указа 31 окт. 1869 г. требованіе относительно веденія переписки на русскомъ языкѣ одинаково распространяется какъ на на-

1) Сб. пост. IV, 478 сл.

2) Сб. пост. IV, 1422 сл.

чальниковъ гимназій, содержимыхъ вполнѣ или частію на счетъ казны, такъ и на университетъ, его ректора, совѣтъ и правленіе, и что оно обязательно для коронныхъ учреждений этихъ во всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ ихъ между собою и съ попечителемъ, какъ ближайшимъ и непосредственнымъ своимъ начальникомъ. При этомъ однако дозволяется всякаго рода приложенія: справокъ, выписокъ изъ протоколовъ, журналовъ, отдѣльныхъ мнѣній профессоровъ университета, излагать на языкѣ нѣмецкомъ, съ приложеніемъ къ нимъ препроводительной бумаги на русскомъ языкѣ и перевода на оный въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе дѣла зависитъ отъ высшей центральной власти. Кромѣ того разрѣшается вести на русскомъ языкѣ переписку съ факультетами и въ ихъ кругу. Въ заключеніе постановлено было объяснить ректору университета, что засимъ никакихъ отклоненій въ исполненіи означенныхъ мѣръ допущено не будетъ. Постановленіе этого совѣщанія было Высочайше утверждено 13 марта 1870 г.¹⁾

Но окончательное утвержденіе дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ въ Юрьевскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ коронныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, составляетъ историческій подвигъ Имп. Александра III. Руководящее значеніе имѣютъ при этомъ Высочайше утвержденныя 14 сент. 1885 г. Правила объ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и перепискѣ присутственныхъ мѣстъ прибалтійскаго края. Первая статья этихъ Правилъ гласитъ: „Губернаторы и всѣ правительственныя установленія и власти въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ, за исключеніемъ поименованныхъ въ пунктѣ 3-емъ²⁾, производятъ дѣла и ведутъ переписку исключительно на рус-

1) Сб. постан. IV, 1533.

2) А именно: высшихъ въ губерніяхъ судовъ, уѣздныхъ судовъ 1-ой степени, мѣстъ и лицъ земской полиціи, магистратовъ съ нижними городскими судами и городскими управленіями, затѣмъ сословныхъ учреждений евангелическо-лютеранскаго духовенства, бюргерства и крестьянства.

скомъ языкѣ, даже если въ составѣ ихъ есть лица мѣстной выборной службы“. По 4-ой же статьѣ этихъ Правилъ: „во всѣхъ засѣданіяхъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній сужденія происходятъ на томъ языкѣ, на которомъ ведется дѣлопроизводство оныхъ“.

Правила эти были примѣнены къ университету не сразу, а въ постепенности, опредѣляемой слѣдующими распоряженіями:

I. Предложеніемъ попечителя Капустина отъ 5 дек. 1885 г. разъяснено, что впредь всѣ дипломы, аттестаты, свидѣтельства и всякаго рода удостовѣренія, выдаваемые университетомъ, должны быть составляемы на русскомъ языкѣ, хотя къ нимъ можетъ быть прилагаемъ и переводъ на латинскомъ или другомъ языкѣ; на русскомъ же языкѣ должны производиться сношенія университета со всѣми правительственными мѣстами и лицами, а также общественными и сословными учрежденіями; но во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ университета, а именно: въ сношеніяхъ факультетовъ между собою и съ совѣтомъ, въ протоколахъ совѣта, правленія и университетскаго суда, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ факультетовъ и профессоровъ, равно какъ во всѣхъ постановленіяхъ, касающихся внутренняго порядка, допускаются языки латинскій и нѣмецкій; наконецъ, въ представляемыхъ бумагахъ должно быть излагаемо на русскомъ языкѣ содержаніе дѣла, такъ чтобы впредь не понадобились особыя выписки изъ протоколовъ.

II. Предложеніемъ попечителя отъ 24 окт. 1891 г. разъяснено: во 1) что впредь дипломы и другія удостовѣренія отъ университета должны быть выдаваемы единственно на русскомъ языкѣ; во 2) что внутреннее дѣлопроизводство на юридическомъ факультетѣ должно вестись исключительно на русскомъ языкѣ, а на прочихъ факультетахъ, въ совѣтѣ и правленіи, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, разрѣшается вести на нѣмецкомъ языкѣ; въ 3) что акты внутренняго дѣлопроизводства факультетовъ, совѣта и прав-

ленія (за исключеніемъ протоколовъ совѣта и правленія) должны быть представляемы попечителю на русскомъ языкѣ и въ 4) что обзорніе лекцій, личный составъ университета и матрикулы студентовъ должны впредь вестись на русскомъ языкѣ.

Объщанныя въ этомъ предложеніи „дальнѣйшія распоряженія“ попечителя Лавровскаго послѣдовали годъ спустя, а именно :

III. 6 окт. 1892 г. предписано было протоколы правленія и совѣта составлять впредь на русскомъ языкѣ, причемъ нѣсколько позже разрѣшено было къ русскому протоколу совѣта прилагать и нѣмецкій переводъ, не имѣющій впрочемъ оффиціального значенія ;

IV. 27 ноября 1892 г. предписано : ввести русское дѣлопроизводство во всѣхъ факультетахъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета.

Этимъ распоряженіемъ и закончены были мѣропріятія по постепенному проведенію въ дѣйствіе по отношенію къ университету указа 14 сент. 1885 г., который затѣмъ вступилъ въ полную силу во всѣхъ частяхъ университетскаго дѣлопроизводства, за исключеніемъ временно допущеннаго двуязычія въ засѣданіяхъ богословскаго, историко-филологическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, а также совѣта, съ приложеніемъ къ русскимъ оффиціальнымъ ихъ протоколамъ нѣмецкихъ переводовъ.

Изъ представленнаго обзора мѣропріятій правительства по утвержденію русскаго языка въ преподаваніи, въ живой рѣчи студентовъ и въ дѣлопроизводствѣ университета видно, какое значеніе оно придавало во всѣ царствованія этому національно-государственному вопросу. Особенное вниманіе обращали на него Императоры Николай I и Александръ III, какъ видно изъ многочисленныхъ указовъ по сему предмету пер-

ваго въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ, а второго — въ 80-ыхъ. Между тѣмъ, если вникнуть въ успѣхъ разсмотрѣнныхъ постановленій и распоряженій правительства, то окажется, что они не имѣли столь быстрого и полного успѣха, какъ бы слѣдовало ожидать.

Учрежденные по уставамъ 1803 и 1820 гг. и дополнительнымъ постановленіямъ каѳедры, предназначенныя для изученія русскаго языка, русской исторіи, русскаго права, нерѣдко не были замѣщаемы или занимались людьми, которые не вполне соотвѣтствовали законнымъ требованіямъ. Такъ напр. каѳедра русскаго языка и словесности, занятая первоначально Григоріемъ Андреевичемъ Глинкою (1803 до 1810 г.), а потомъ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, была вакантна въ 1812—1813 гг. когда Кайсаровъ былъ откомандированъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи¹⁾. Затѣмъ, послѣ выхода изъ службы профессоръ Александра Ѳеодоровича Воейкова (1814—1820) и Василя Матвѣевича Перевощикова (до 1830 г.), каѳедра эта была вновь вакантна 6 лѣтъ, до назначенія на оную Михаила Петровича Розберга (1836—1867 г.).

На каѳедру русской исторіи назначенъ былъ въ 1803 г. саксонскій географъ Гаспари (до 1809 г.), который врядъ ли могъ излагать ее по источникамъ, а тѣмъ менѣе — на русскомъ языкѣ. Его преемникомъ былъ И. Ф. Г. Эверсъ (1810—1820 гг.), хороший работникъ по исторіи русскаго права, но все же человекъ съ нѣмецкимъ міросозерцаніемъ и направленіемъ. При первой возможности онъ пожертвовалъ этою каѳедрою и по упраздненіи ея уставомъ 1820 г. перешелъ на каѳедру государственнаго и международнаго права. Когда впоследствии, въ 1855 г. каѳедра русской исторіи была восстановлена, причѣмъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему дѣлу было выражено требованіе, чтобы она „занята была кореннымъ русскимъ профессоромъ, вполне оживлен-

1) Паль въ битвѣ при Гайнау, 26 мая 1813 г.

нымъ чувствомъ любви къ своему отечеству“¹⁾, то послѣ кратковременнаго профессорства Петра Ефимовича Медовникова (1855 г.) и Николая Алексѣевича Иванова (1856—1859 г.), каеэдра эта 4 года оставалась вакантною, а затѣмъ, въ 1865 г., замѣщена пресловутымъ лифляндскимъ полемистомъ и завзятымъ недругомъ Россіи К. Ширреномъ. Свой взглядъ на русскую исторію онъ выразилъ въ памфлетѣ „Lifländische Antwort“ (1869 г.) въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ автору „Окраинъ Россіи“ Ю. О. Самарину: „вы не знаете прошедшаго и не имѣете будущаго“²⁾. По увольненіи же Ширрена отъ службы за антигосударственное направление (въ 1869 г.) и послѣ 2-лѣтняго перерыва на каеэдру русской исторіи былъ назначенъ проф. Брикнеръ, бытописатель русскаго „европеизма“, который также не могъ быть названъ „кореннымъ русскимъ, вполне оживленнымъ чувствомъ любви къ своему отечеству“, если подъ послѣднимъ понимать не Лифляндію, а Россію.

На юридическомъ факультетѣ очень долго вакантною была каеэдра русскаго законовѣдѣнія, именно съ 1803 по 1825 г., хотя нѣкоторые курсы по этому предмету были читаемы профессорами смежныхъ каеэдръ: И. Г. Нейманомъ, Фр. Лампе, Г. Эверсомъ. Съ 1825 г. по 1840 г. занималъ эту каеэдру А. Ф. Рейцъ, хорошій ученый, ученикъ Неймана и Эверса. Послѣ Рейца она опять была вакантна въ теченіе 4 л., пока не занялъ ее въ 1844 г. Э. С. Тобинъ. Параллельно съ нимъ, на второй каеэдрѣ русскаго законовѣдѣнія, учрежденной въ 1842 г., читалъ на русскомъ языкѣ лекціи этого предмета проф. Александръ Степановичъ Жиряевъ. Но по переводѣ послѣдняго въ С.-Петербургскій университетъ въ 1856 г. эта каеэдра долго оставалась незамѣщенной, а наконецъ 22 іюля 1863 г., по ходатайству попечителя была переименована въ каеэдру юридической прак-

1) Сб. пост. Дополн. 1867 г., стр. 903.

2) „Sie kennen keine Vergangenheit und Sie haben keine Zukunft“. Ср. Ю. Самарина, Собр. соч. т. VIII.

тики, съ отнесеніемъ къ ней чтенія нѣкоторыхъ частей мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній¹⁾. Преемникомъ же проф. Тобина былъ (съ 1860 г.) проф. Ив. Егор. Энгельманъ, читавшій русское законовѣдѣніе по-нѣмецки до преобразованія юридическаго факультета въ 1889 г. Замѣчательно, что по уставу 1865 г. была положена одна каѳедра для всѣхъ отдѣловъ русскаго права и двѣ — для мѣстнаго!

Вообще, правительственныя распоряженія 1842—1845 годовъ относительно преподаванія на каждомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ одной науки, сверхъ русской словесности, были временно исполняемы только на юридическомъ факультетѣ, пока тамъ преподавалъ вышеназванный профессоръ Жиряевъ. Самъ министръ нар. пр. вынужденъ былъ наконецъ признать введеніе преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ неисполнимымъ, о чемъ попечитель сообщилъ совѣту предложеніемъ отъ 25 января 1846 г. Даже преподаваніе русской исторіи въ 60—80-ыхъ годахъ, когда эту каѳедру занимали профессора Ширренъ и Брикнеръ, велось по-нѣмецки. Тоже относится къ каѳедрѣ государственнаго врачевновѣдѣнія на медицинскомъ факультетѣ, хотя при ней учреждена была въ 1845 г. особая приватъ-доцентура для русскаго преподаванія²⁾. Даже Пироговъ и Варвинскій вынуждены были тогда читать свои лекціи по-нѣмецки³⁾, хотя имъ конечно было бы удобнѣе преподавать на родномъ русскомъ языкѣ. Еще въ 1882 г. анонимный авторъ изданнаго въ Лейпцигѣ соч. *Die deutsche Universität Dorpat* имѣлъ право съ гордостію указать на то, что въ составѣ профессоровъ этого университета всѣ нѣмцы (23 балта и 19 заграничныхъ), за изытіемъ профессоровъ русской словесности и православнаго богословія⁴⁾.

1) Сб. расп. III, 567.

2) Дѣло Сов. о русск. яз. подъ 10 ноября 1845 г.

3) Тамъ-же подъ 30 іюля 1845 г.

4) Стр 55.

Лишь съ конца 80-ыхъ годовъ въ этомъ отношеніи на-
ступаетъ перемяна, сначала на юридическомъ факультетѣ, а
съ 1892—1893 гг. и на прочихъ, за изытіемъ богословскаго.
Все же и теперь изъ 74 наличныхъ профессоровъ, доцентовъ
и привать-доцентовъ университета только 58 читаютъ лекціи
на русскомъ языкѣ, остальные же 16 на нѣмецкомъ, такъ что
изъ пяти факультетовъ только юридическій можетъ считаться
вполнѣ преобразованнымъ по языку преподаванія, остальные
находятся въ состояніи переходномъ, — богословскій же вовсе
не задѣтъ реформою по отношенію къ языку преподаванія.

Подобное двуязычіе остается донинѣ и въ производствѣ
испытаній, диспутовъ, въ диссертацияхъ на ученые степени,
наконецъ — въ научныхъ изданіяхъ университета и состоя-
щихъ при немъ ученыхъ обществъ. Особенно отстало въ
этомъ отношеніи ученое общество эстонское, тогда какъ въ
обществѣ естествоиспытателей въ послѣднее время русскій
языкъ получилъ доступъ въ пренія и изданія.

Столь же медленно подвигалось знаніе и употребленіе
русскаго языка и въ средѣ студентовъ университета. Это
видно изъ самаго обилія мѣръ правительства по утвержденію
между ними знанія русскаго языка, а равно изъ нѣкоторыхъ
другихъ официальныхъ данныхъ и указаній.

Очень характерныя указанія по сему предмету имѣются
въ дѣлахъ совѣта за 1818 и 1819 г. когда въ немъ об-
суждались предложенія проф. Неймана о мѣрахъ для усиленія
знанія студентами русскаго языка. Въ засѣданіи 28 октя-
бря 1818 г. проф. Нейманъ просилъ внести въ протоколъ
совѣта слѣдующее его мнѣніе:

„Необходимо выработать болѣе подробныя и точныя пра-
вила относительно изученія (студентами) русскаго языка. Это
могло бы быть достигнуто двумя способами:

либо ограничить пріемъ такими лицами, которыя вла-
дѣютъ русскимъ языкомъ, т. е. могутъ на оный переводить,
на немъ говорить и писать, что было бы согласно и съ за-
конами, по силѣ коихъ русскій языкъ изучается во всѣхъ

окружныхъ училищахъ и гимназіяхъ, причемъ постановлено, что въ высшія учебныя заведенія могутъ быть принимаемы только тѣ ученики, которые въ должной мѣрѣ изучили науки и языки, преподаваемые въ низшихъ училищахъ;

либо, въ случаѣ невозможности настаивать на первомъ требованіи, въ виду недостаточнаго числа удовлетворяющихъ ему лицъ, необходимо серіознѣе позаботиться о пополненіи студентами недочетовъ въ русскомъ языкѣ во время академическаго курса.

„Насколько я могъ доннынѣ наблюдать, въ здѣшнемъ университетѣ изученіе русскаго языка находится въ большомъ пренебреженіи. Даже тѣ студенты, которые намѣрены посвятить себя государственной службѣ, по гражданской специальности, имѣютъ очень слабыя познанія въ русскомъ языкѣ и вовсе не считаютъ необходимымъ включить изученіе его въ свою научную подготовку, хотя это положительно предписано указомъ 6 августа 1809 г. Можно поэтому опасаться, что и подготовляющіеся къ государственной службѣ медики, обремененные очень сложнымъ планомъ 4-лѣтняго курса и увлекаемые общимъ настроеніемъ, не дадутъ себѣ труда достаточно изучить русскій языкъ, чтобы къ концу курса они могли съ нѣкоторою легкостію говорить и писать на немъ. А между тѣмъ такое знаніе безусловно требуется отъ чиновниковъ, поступающихъ на русскую государственную службу, особенно во внутреннія губерніи. Поэтому не только интересъ службы, но и слава университета понесла бы ущербъ, еслибы юноши, получающіе въ немъ образованіе на казенный счетъ, при поступленіи на службу оказывались невѣждами по предмету, знать который обязаны даже гимназисты при вступленіи въ университетъ. Я полагаю потому, что молодые люди, принятые въ оный съ недостаточными познаніями по русскому языку, обязаны въ концѣ каждаго полугодія подвергаться по этому предмету экзамену, результаты коего должны быть сообщаемы попечителю, съ тѣмъ, чтобы не оказывающіе успѣховъ подвергались лишенію сти-

пендій и взысканію израсходованныхъ на нихъ казенныхъ денегъ“.

Когда это мнѣніе проф. Неймана была заслушано въ засѣданіи 13 ноября, то всѣ члены совѣта заявили, что на основаніи личнаго опыта не могутъ съ этимъ мнѣніемъ согласиться, ибо хотя и желательно-де, чтобы здѣшніе студенты посвящали болѣе труда изученію русскаго языка, тѣмъ не менѣе и нынѣ послѣдній не находится въ такомъ пренебреженіи, какъ думаетъ проф. Нейманъ. Къ этому ректоръ Эверсъ прибавилъ, что съ своей стороны онъ протестуетъ противъ упрека въ общемъ пренебреженіи къ русскому языку въ школахъ Дерптскаго учебнаго округа, насколько упрекъ этотъ падаетъ на учрежденія, вѣдающія этими школами. Школьная комиссія (университета) по мѣрѣ возможности заботится - де о скорѣйшемъ замѣщеніи учительскихъ должностей по русскому языку, равно какъ о точномъ выполненіи установленнаго плана занятій по сему предмету; если это преподаваніе не всегда оказывается достаточно плодотворнымъ, то это обусловлено недостаткомъ хорошихъ учителей, котораго нельзя де устранить распоряженіями университета, ибо вообще рѣдко встрѣчаются учителя, соединяющіе основательное знаніе русскаго и нѣмецкаго языковъ съ одной стороны, а надлежащаго учебнаго метода съ другой. Присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи члены медицинскаго факультета выразили еще мысль, что хотя знаніе русскаго языка необходимо врачамъ, готовящимся къ казенной службѣ, однако нельзя утверждать, будто знаніе это является масштабомъ пригодности къ ней этихъ молодыхъ людей: они могутъ вѣдь и даже должны пополнить свои познанія въ этомъ отношеніи на мѣстахъ своей будущей службы, тогда какъ ихъ пробѣлы въ научной подготовкѣ врядъ ли уже могутъ быть пополнены¹⁾.

Еще подробнѣе былъ рассмотрѣнъ этотъ вопросъ въ засѣданіи совѣта 2 апрѣля 1819 г., гдѣ была заслушана слѣ-

1) Дѣло совѣта о русск. яз. подъ 28 октября и 13 ноября 1818 г.

дующая записка проф. Неймана объ усиленіи занятій русскимъ языкомъ :

„Уже нѣсколько разъ офиціально докладывалъ я о господствующемъ въ нашемъ университетѣ невѣжествѣ по русскому языку. Говорю „невѣжествѣ“, ибо слабыя познанія въ немъ того или другого изъ нашихъ студентовъ не идутъ даже въ расчетъ по сравненію съ тѣмъ, что они должны бы знать; говорю „господствующемъ“, ибо — насколько я могъ донинѣ наблюдать — изъ десяти студентовъ врядъ ли найдется одинъ, хотя бы посредственно лишь знающій этотъ предметъ, а основательное съ нимъ знакомство врядъ ли окажется у одного изъ 20 студентовъ.

„Въ виду этого, я считаю своимъ долгомъ предложить нѣкоторыя мѣры для устраненія этого недостатка, тяжело отзывающагося на нашемъ университетѣ, ибо, во 1) я считаю противнымъ здравому смыслу, если молодые люди, получающіе въ русскомъ университетѣ образованіе для служенія русскому государству, отпускаются изъ академіи съ надлежащими аттестатами объ окончаніи курса и слѣд. объявляются въ публичномъ документѣ достаточно подготовленными для государственной службы — когда извѣстно, что они не понимаютъ языка своей страны; и во 2) мнѣ представляется противнымъ и закону, и видамъ правительства, если не понимающій по-русски студентъ отпускается со свидѣтельствомъ о надлежаще законченномъ курсѣ и такимъ образомъ становится соучастникомъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ преимуществъ, какія по закону соединяются съ таковыми свидѣтельствами въ видахъ поощренія занятій въ русскихъ университетахъ. Это явствуетъ изъ относящихся сюда указовъ, по которымъ русскій языкъ признается главнымъ предметомъ научнаго образованія, причемъ не сдѣлано какихъ либо изъятій для отдѣльныхъ областей или провинцій. Въ законахъ, относящихся къ Остзейскимъ провинціямъ, постановлено, что никто не можетъ быть зачисленъ въ студенты сего университета безъ надлежащихъ познаній въ предме-

тахъ, назначенныхъ для (средняго) школьнаго обученія. Въ указѣ 6 августа 1809 г. грамматическое знаніе русскаго языка и умѣнье составлять на немъ письменныя работы причислены къ предметамъ, изъ коихъ каждый чиновникъ долженъ сдать экзамень, или — что выходитъ на то же — онъ долженъ представить удостовѣреніе отъ одного изъ русскихъ университетовъ объ успѣшныхъ занятіяхъ этимъ предметомъ. Въ противномъ случаѣ чиновникъ не можетъ получить чина коллежскаго ассессора или статскаго совѣтника. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ предписаніяхъ сдѣлана ссылка на означенный указъ и выражено требованіе, чтобы выдаваемые аттестаты объ основательномъ изученіи необходимыхъ для государственной службы наукъ обнимали всѣ тѣ предметы, какіе установлены въ томъ указѣ.

„Отсюда видно, что правительство требуетъ отъ всѣхъ государственныхъ слугъ изученія русскаго языка и что слѣдов. совѣтъ университета дѣйствуетъ врядъ ли законно, если выдаетъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи наукъ, не имѣя полной увѣренности, что данное лицо основательно владѣетъ русскимъ языкомъ. А потому слѣдовало бы: во 1) при приѣмѣ въ студенты обращать должное вниманіе на основательное знаніе поступающими русскаго языка, ибо по общимъ школьнымъ законамъ въ высшія заведенія принимаются лишь тѣ, кто обладаетъ такимъ знаніемъ, и во 2) при выпускныхъ испытаніяхъ удостовѣряться въ томъ, что данный студентъ повторялъ изученное, практиковался въ устномъ употребленіи русскаго языка и слѣд. въ состояніи написать работу правильнымъ русскимъ языкомъ, какъ это требуется указомъ отъ 6 авг. 1809 г.

„Первое изъ означенныхъ испытаній предписано законами; второе хотя прямо не предписано, но вполнѣ согласно съ истиннымъ смысломъ закона, ибо его требованія распространяются на всѣхъ государственныхъ слугъ, не исключая и Остзейскихъ провинцій. А такъ какъ въ послѣднихъ академическое преподаваніе ведется по-нѣмецки, то необходимо

принять какія нибудь мѣры, чтобы молодые люди не забыли тутъ русской рѣчи; ибо не соответствовало бы истинному смыслу того указа, чтобы ученики только приносили въ университетъ знаніе русскаго языка, а необходимо еще, чтобы они обладали таковымъ и при выходѣ въ практическую жизнь.

„Такимъ образомъ, мое предложеніе, какъ основанное на законахъ, должно бы быть принято въ полномъ объемѣ. Однако мѣстныя условія требуютъ, повидимому, нѣкотораго видоизмѣненія этого предложенія. Въ самомъ дѣлѣ, насколько мнѣ извѣстно по распросамъ и личному отвѣту, русскій языкъ не изучается въ низшихъ школахъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ бы это должно дѣлаться по закону и въ интересахъ государства. Слѣдовательно, можно полагать безъ преувеличеній, что строгое соблюденіе предписанія о приѣмѣ въ университетъ лишь тѣхъ, кто основательно знаетъ русскій языкъ, повлекло бы за собою въ первые годы, можетъ быть и надолго, значительное уменьшеніе числа нашихъ студентовъ. Отъ этого же университетъ уклонился бы отъ цѣли, для которой онъ основанъ монархомъ, и значительно была бы ограничена его дѣятельность.

„Единственнымъ выходомъ изъ этого рода коллизій то съ закономъ, то съ интересами университета было бы слѣдующее:

во 1) подвергать испытанію изъ русскаго языка поступающихъ въ университетъ, и тѣмъ изъ нихъ, кто не обнаружитъ въ немъ достаточныхъ познаній, назначать нѣкоторый срокъ, напр. одинъ годъ, въ теченіе котораго они вновь должны подвергнуться испытанію, чтобы доказать, что ониполнили свои пробѣлы въ этомъ отношеніи.

„Примѣчаніе. Я не допускаю при этомъ никакихъ исключеній на основаніи свидѣтельствъ зрѣлости, ибо послѣднія — подобно всѣмъ прочимъ документамъ — могутъ претендовать на довѣріе лишь дотолѣ, доколѣ противное не доказано или не стало общеизвѣстнымъ; между тѣмъ извѣстно, что въ нашъ университетъ уже многіе поступали съ такими свидѣтель-

ствами, хотя не понимали русскаго языка, почему имъ и нельзя впредь довѣрять въ этомъ отношеніи. Но чтобы по возможности поддержать авторитетъ подвѣдомственныхъ (университету) дирекцій въ глазахъ ихъ подчиненныхъ и не подвергать эти дирекціи нареканіямъ по поводу вышеуказанной новой мѣры (что вовсе не желательно), я предложилъ бы предписать директорамъ гимназій, чтобы въ свидѣтельствахъ зрѣлости была дѣлаема отмѣтка о томъ, въ какой мѣрѣ знакомъ абитуриентъ съ русскимъ языкомъ: можетъ ли онъ понимать русскаго автора только со словаремъ или безъ онаго, умѣетъ ли онъ только говорить по-русски или и писать, притомъ можетъ быть даже правильно? Учителямъ же русскаго языка, которые одни только и могутъ во многихъ случаяхъ давать такія удостовѣренія, слѣдуетъ предписать, чтобы они соблюдали при этомъ строжайшую добросовѣстность, такъ какъ при приѣмѣ въ студенты эти молодые люди будутъ еще разъ экзаменоваться по этому предмету, въ виду того, что нѣтъ почти ни одной гимназіи, гдѣ учителя были бы въ состояніи обсудить и удостовѣрить эту часть испытаній“;

„во 2) нынѣшнимъ студентамъ университета слѣдуетъ объявить на черной доскѣ, что впредь они должны усерднѣе заниматься русскимъ языкомъ, ибо, въ виду необходимости знанія его каждымъ слугою государства, университетъ будетъ обращать на это строгое вниманіе при выпускныхъ испытаніяхъ, и будетъ вносить въ аттестаты отмѣтку о мѣрѣ познаній въ русскомъ языкѣ.

„Вотъ все, что возможно теперь предпринять по этому дѣлу. Остальное придется отложить до другого раза, ибо тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ устраненіи укоренившихся злоупотребленій, особенно по отношенію къ молодымъ людямъ, нерѣдко оказывается болѣе полезнымъ сначала нѣсколько попустить въ строгости закона, чтобы обезпечить исполненіе закона въ будущемъ, не рискуя при этомъ вредными послѣдствіями отъ внезапной отмѣны привычнаго, хотя бы таковымъ было явное злоупотребленіе.

„На мое предложеніе могутъ бытьъ сдѣланы главнымъ образомъ три возраженія :

Во 1) могутъ отрицать фактъ, отъ котораго я отправляюсь, могутъ упрекнуть меня (какъ это уже случилось однажды) въ преувеличеніи, могутъ сказать, что между нашими студентами найдется не мало хорошо знающихъ русскій языкъ.

„На это я отвѣчаю вкратцѣ слѣдующее: я утверждаю, что между 10 нашими студентами найдется развѣ одинъ такой, который сумѣетъ правильно перевести безъ словаря не совсѣмъ ужъ легкаго русскаго прозаика. Что касается перевода поэтовъ, разговорнаго и письменнаго употребленія русской рѣчи, что собственно и требовалось бы по отношенію къ языку страны (Landessprache), то объ этомъ нечего и говорить. Если мои возражатели будутъ настаивать на противномъ, то мнѣ ничего другого не останется, какъ потребовать публичнаго испытанія, которое могло бы быть произведено въ присутствіи нашего попечителя, какъ компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ. Я полагаю, что предметъ этотъ достаточно важенъ, чтобы этимъ способомъ удостовѣриться въ истинѣ моего или противоположнаго утвержденія.

„Вторымъ возраженіемъ можетъ бытьъ выставлено то, что повторительный экзаменъ противорѣчилъ бы закону о приѣмѣ (въ университетъ) по свидѣтельствамъ зрѣлости отъ гимназій. Но если, по закону, русскій языкъ обязательенъ въ нашихъ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, что не всѣ матуристы приносятъ въ университетъ достаточныя познанія въ немъ. . . . то было бы коварствомъ ссылаться на слова закона, въ обходъ ясно выраженной воли законодателя. . . .

„Третьимъ возраженіемъ могло бы быть то, что знаніе русскаго языка требуется только отъ юристовъ, обязанныхъ читать въ подлинникѣ изучаемые ими законы, не довѣряясь однимъ переводамъ.

„Но и это не совсѣмъ вѣрно. Русскій языкъ необходимъ каждому, кто предназначаетъ себя для государственной службы,

а слѣд. и студентамъ философскаго факультета, значительная часть коихъ идетъ потомъ въ государственную службу. Что и медики должны понимать русскій языкъ, это видно изъ покровительства, оказываемаго правительствомъ изученію его, въ виду сильной потребности Россіи (во врачахъ). Что касается богословскаго факультета, то я могу сослаться на отзывъ одного высокочтимаго лифляндскаго пастора, который не только считаетъ знаніе русскаго языка весьма полезнымъ для богослововъ, но и самъ не жалѣетъ времени для приобрѣтенія нѣкоторыхъ познаній въ немъ.

„Кромѣ того нельзя не замѣтить, что обыкновенно только тотъ принимаетъ сердечное участіе въ благополучіи своей страны и можетъ быть истиннымъ патриотомъ, кто сумѣетъ сродниться съ туземцами по языку и стать ихъ компатріотомъ. Представители правительства, въ какомъ бы учрежденіи они ни сидѣли, должны бы внимательнѣе соблюдать это дознанное опытомъ положеніе“.

При обсужденіи изложеннаго предложенія проф. Неймана въ совѣтскомъ засѣданіи 28 апр. 1819 г. заслушано было очень обстоятельное опроверженіе его со стороны ректора университета Густава Эверса, который заявилъ слѣдующее:

„Я совершенно согласенъ съ желаніемъ проф. Неймана, чтобы молодежь Остзейскихъ провинцій обращала болѣе вниманія на изученіе русскаго языка, причемъ я не намѣренъ вдаваться въ обсужденіе вопроса, дѣйствительно ли онъ находится въ такомъ пренебреженіи, какъ полагаетъ проф. Нейманъ. Но я не могу вполнѣ согласиться съ доводами послѣдняго и съ его планомъ реформы.“

„Нѣтъ спора, что знаніе русскаго языка можетъ быть полезно каждому русскому подданному, какого бы званія онъ ни былъ и гдѣ бы онъ ни жилъ. Но я не думаю, будто это знаніе для каждаго русскаго подданнаго равно необходимо. Въ губерніяхъ напр. Лифляндской, Эстляндской и Курляндской даже судья можетъ безъ него обойтись, ибо по Высочайшему повелѣнію законы публикуются тутъ на нѣмецкомъ

языкъ. Дѣйствительно, и теперь въ этихъ губерніяхъ находится не мало чиновниковъ судебного вѣдомства, которымъ чуждъ этотъ языкъ, но заслуги коихъ высоко цѣнятся. Тѣмъ не менѣе я глубоко убѣжденъ, что знаніе русскаго языка необходимо каждому чиновнику гражданскаго вѣдомства, особенно же каждому адвокату и судѣ. Но я считалъ бы излишнимъ требовать того же отъ cadaго пастора, тѣмъ болѣе, что пасторъ долженъ изучать еще языки еврейскій, греческій, эстонскій или латышскій, ближе относящіеся къ его призванію. Для головы среднихъ способностей изученіе 4 — 5 языковъ представляется слишкомъ труднымъ, особенно если принять въ соображеніе, что въ теченіе 3 лѣтъ студенты богословія должны овладѣть своею спеціальною наукою. Можно вѣдь быть въ этомъ краѣ отличнымъ пасторомъ и не понимать по-русски.

„Отъ врачей, не вступающихъ въ государственную службу, правительство не требуетъ знанія этого языка. О немъ вовсе не упоминается въ Высочайшемъ повелѣніи объ испытаніи врачей отъ 15 іюля 1810 г., хотя въ немъ часто говорится объ испытаніяхъ иностранцевъ. Когда въ 1809 г. въ здѣшній университетъ зачислено было до 30 нѣмецкихъ хирурговъ для подготовленія къ казенной службѣ, то не было выражено требованія объ обученіи ихъ русскому языку, а наоборотъ, за основаніе при опредѣленіи ихъ на службу принята была ихъ научная подготовленность. . . Конечно, этого нельзя считать нормою. Наоборотъ, я полагаю, что не слѣдовало бы опредѣлять на казенную службу врачей, не понимающихъ по-русски. Но если кто отказывается отъ преимуществъ казенной службы, то для чего принуждать его къ изученію русскаго языка, если и безъ него онъ можетъ быть полезнымъ практическимъ врачомъ не только въ здѣшнемъ краѣ, но и въ русскихъ столичныхъ городахъ? . . .

„Кто знакомъ съ постановкою нашихъ школъ, тотъ долженъ признать, что большая часть нашихъ учителей русскаго языка не стоитъ на уровнѣ своей задачи. Обыкновенно они

не имѣють широкаго литературнаго образованія и не обладаютъ методомъ, чему не пособить предписаніями. Нерѣдко нельзя найти и заурядныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакансій по этому предмету: такъ напр. въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ таковыхъ не оказалось для Венденскаго уѣзднаго училища. Справедливо ли предъявлять тамъ высокаго требованія отъ учениковъ? Къ тому же, по дѣйствующему учебному плану, положено слишкомъ мало часовъ для русскаго языка. Не жестоко ли было бы, при такихъ условіяхъ, задержать въ школѣ молодого человѣка — который достаточно подготовленъ къ университету по всеѣмъ прочимъ предметамъ и желаетъ, положимъ, быть пасторомъ, но вовсе не претендуетъ на казенную службу, — единственно для того, чтобы онъ основательнѣе изучилъ русскій языкъ, который вовсе не понадобится ему въ дальнѣйшей жизни? . . . Поэтому я полагаю, что новыя правила объ изученіи русскаго языка должны быть изданы не ранѣе новаго изданія школьнаго устава, причемъ и тогда эти правила не должны бы имѣть равное и безусловное примѣненіе ко всеѣмъ студентамъ.

. . . „Понудительныя мѣры представляются желательными единственно по отношенію къ правовѣдамъ. Для нихъ знаніе русскаго языка наиболѣе необходимо, почему и слѣдовало бы обусловить пріемъ на этотъ факультетъ либо гимназическими свидѣтельствами о знаніи русскаго языка, либо введеніемъ въ университетъ повѣрочныхъ испытаній въ ономъ по истеченіи года. Но каждый студентъ, подвергающійся выпускному испытанію на дипломъ, дающій право на чинъ, долженъ экзаменоваться по русскому языку, отмѣтка по коему должна быть включаема въ свидѣтельство. Только тѣ студенты могутъ быть отъ такого испытанія освобождены, которые не добиваются никакихъ дипломовъ или довольствуются удостовѣреніями въ томъ, что прослушали извѣстные курсы. . . . И въ дипломы на доктора медицины не удобно вставлять отмѣтку о знаніи русскаго языка.

. . . „Принужденіе каждаго студента учиться по-русски,

навѣрное, не соответствуетъ ни видамъ правительства, ни общимъ задачамъ университета. Трудно совмѣстить его съ научнымъ духомъ, который всего успѣшнѣе развивается въ условіяхъ свободныхъ.

... „Въ теченіе столѣтія русскаго господства въ Лифляндіи и Эстляндіи области эти, по имѣющимся почетнымъ признаніямъ министровъ, не уступали другимъ въ доказательствахъ патріотизма, хотя не было принимаемо никакихъ понудительныхъ мѣръ для сближенія по языку нѣмецкаго населенія этихъ областей съ господствующею народностію. Я смѣю утверждать, что врядь ли найдутся въ Россіи еще двѣ губерніи, которыя доставили бы ей въ теченіе этого времени столько выдающихся государственныхъ сановниковъ, какъ Лифляндія и Эстляндія. Да и вообще я считаю понудительныя мѣры сомнительнымъ производителемъ дружбы. Конечно, единство языка, какъ основа единства народнаго, издавна восхваляется политиками, какъ отличный цементъ государственной сплоченности. Но къ чему привело бы признаніе его руководящимъ принципомъ въ административныхъ мѣропріятіяхъ! Религія вѣдь тоже служитъ основою народнаго единства и къ ней могло бы относиться то же, что сказалъ проф. Нейманъ о политическомъ значеніи языка. Но куда бы это привело насъ! Проф. Нейманъ не сдѣлалъ такихъ выводовъ, но онъ наталкиваетъ на нихъ, и я пришелъ бы отъ этого въ ужасъ, еслибы не зналъ, какъ далека была издревле верховная власть въ Россіи отъ тезиса, изъ котораго тѣ выводы проистекаютъ. Ни одно правительство не проявило столько же, какъ русское, охоты охранять особенности покоренныхъ народовъ, и на этомъ въ значительной мѣрѣ опираются его успѣхи въ объединеніи разнороднѣйшихъ племенъ“.

При подписи протокола этого совѣтскаго засѣданія проф. Ф. Г. Парротъ внесъ къ мнѣнію Г. Эверса слѣдующее дополненіе:

„во 1) школьная комиссія очень серіозно старается поднять знаніе русскаго языка и въ послѣдніе три года, послѣ

многихъ безплодныхъ усилій, провела наконецъ единственно цѣлесообразное и доступное средство — введеніемъ во всѣхъ классахъ, кромѣ 3-го, преподаванія русскаго языка на этомъ же языкѣ. . .

„во 2) я считаю невозможнымъ удовлетвореніе требованій проф. Неймана годичнымъ курсомъ русскаго языка, если данный студентъ получилъ домашнее образованіе у учителя, обыкновенно не понимающаго по-русски. . . Лучше производить по этому предмету экзамень на II или III году“.

Въ числѣ членовъ совѣта, безъ оговорки подписавшихся подъ пристрастнымъ мнѣніемъ Эверса, находился и Воейковъ! Рѣшеніе совѣта по этому вопросу въ засѣданіи 28 апрѣля 1819 г. было изложено такъ :

„Когда воспослѣдуетъ утвержденіе представленнаго высшему начальству новаго школьнаго устава, тогда слѣдуетъ потребовать, чтобы каждый юноша, желающій заниматься юриспруденціей, доказалъ свое знаніе русскаго языка либо гимназическимъ свидѣтельствомъ, либо на приѣмномъ испытаніи по этому предмету; каждый же выпускной студентъ, ищущій диплома съ правомъ на чинъ, долженъ экзаменоваться по русскому языку; кромѣ того необходимо озаботиться, чтобы предметъ этотъ хорошо преподавался въ университетѣ“¹⁾.

Слабость познаній студентовъ въ русскомъ языкѣ въ Николаевскую пору удостовѣряется многими данными того времени.

Такъ въ предложеніи министра нар. пр. отъ 13 апр. 1827 г. сдѣлана ссылка на заявленія министерства внутр. дѣлъ, что многіе изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ Дерптскаго университета, поступившихъ на гражданско-врачебную службу, оказываются для нея бесполезными, по совершенному незнанію русскаго языка²⁾.

1) Дѣло совѣта о русск. языкѣ.

2) Сб. распоряж. I, 594.

Въ предложеніи попечителя отъ 4 іюля 1827 г. приложена была копія письма генераль - штабъ доктора флота д. с. с. Лейтона, въ которомъ послѣдній жалуется на слабыя познанія въ русскомъ языкѣ отпускаемыхъ изъ университета врачей ¹⁾.

8 апрѣля 1829 г. въ виду запроса совѣта: какъ поступать съ своекоштными студентами медицины, несвѣдущими въ русскомъ языкѣ, министр нар. пр. разъяснилъ слѣдующее:

„Дерптскому университету надлежало бы наблюдать давно данное предписаніе относительно обученія студентовъ онаго русскому языку. . . . Нынѣ и именно только на сей разъ я согласенъ, чтобы выдержавшему испытаніе дозволено было производить практику, но свидѣтельствъ на степень не выдавать прежде, нежели приобрѣтутъ они познанія въ русскомъ языкѣ“ ²⁾.

17 авг. 1829 г. въ протоколъ совѣта вставленъ запросъ медицинскаго факультета о томъ, какъ поступать съ ригористами, оканчивающими экзаменъ на врача безъ знанія русскаго языка? Нельзя ли выдать имъ временныя свидѣтельства, дающія право заниматься врачебной практикой въ Остзейскихъ губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобы настоящіе дипломы были имъ выданы впоследствии, по сдачѣ испытанія въ русскомъ языкѣ ³⁾?

Въ совѣтскомъ засѣданіи 18 сент. 1829 г. доложено было сообщеніе попечителя (отъ 24 іюля 1829 г.), что генераль-губернаторъ новороссійскій и бессарабскій гр. Воронцовъ испросилъ въ свое распоряженіе врачей преимущественно изъ Виленскаго университета, въ виду недочетовъ врачей дерптскихъ по русскому языку ⁴⁾.

Во всеподданѣйшемъ отчетѣ мин. нар. пр. гр. Уварова

1) Дѣло сов. о русск. языкѣ.

2) Сб. распор., I, 716.

3) Дѣло сов. о русск. яз.

4) Тамъ же.

отъ 20 іюня 1833 г. о ревизіи Дерптскаго университета сказано между прочимъ:

„Къ числу не довольно уважаемыхъ предметовъ (наряду съ преподаваніемъ закона Божія по грекороссійскому вѣроисповѣданію) принадлежитъ русскій языкъ. . . Въ университетѣ каѳедра русской словесности остается праздною и выборъ достойнаго профессора будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть рѣшительное вліяніе на распространеніе вкуса и на охоту учиться сему предмету“¹⁾. Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ ту пору не замѣтно было между студентами особенной охоты къ изученію русскаго языка. Имѣется указаніе, что во время этой ревизіи студенты устроили гр. Уварову *Ständchen*, на которомъ они пропѣли ему: *Was ist des deutschen Vaterland*²⁾!

Во всеподаннѣйшемъ докладѣ того же министра отъ 15 декабря 1839 г. испрашивается нѣкоторое снисхожденіе къ недостаточному знанію русскаго языка студентами, преимущественно тѣми, которые поступили до 1836 г.

Въ 1848 г. возникла переписка попечителя (отъ 28 мая) съ ректоромъ о слабомъ знаніи студентами русскаго языка по слѣдующему поводу:

Рижскій ген.-губ. кн. Суворовъ довелъ до свѣдѣнія министра нар. пр., что онъ замѣтилъ между всѣми сословіями Остзейскихъ губерній крайне недостаточныя познанія въ русскомъ языкѣ, не исключая лицъ, окончившихъ полный курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Посему онъ признаетъ необходимымъ предоставленіе жителямъ этихъ губерній всѣхъ средствъ для приобрѣтенія знанія этого языка, чтобы впредь они не могли, какъ нынѣ, извиняться недостаткомъ такихъ средствъ.

Въ виду такого отзыва попечитель поручилъ ректору Нейе (Neue) обсудить этотъ вопросъ, совмѣстно съ профессоромъ

1) Сб. постан. дополн. 1867 г., стр. 402.

2) Die deutsche Universität Dorpat, 1882 г., стр. 47.

русскаго языка и — если понадобится — съ другими профессорами, знающими русскій языкъ и донести о результатахъ. Въ отвѣтъ на это ректоръ донесъ отъ 9 іюня 1848 г., отъ имени своего и профессоровъ Розберга, Бунге, Биддера и Тобина, слѣдующее :

„Прежде всего я долженъ признать, что ни мнѣ, ни кому либо изъ вышеназванныхъ профессоровъ и въ мысль не приходитъ оспаривать основательность сдѣланныхъ генералъ-губернаторомъ наблюдений. Наоборотъ, необходимо признать безспорнымъ, что Его Свѣтлость встрѣтилъ недостаточное знаніе русскаго языка и между тѣми, которые окончили курсъ въ здѣшнемъ университетѣ. Но чтобы судить, насколько это зависѣло отъ нѣкоторыхъ упущеній университета и какія мѣры вслѣдствіе того необходимо принять въ будущемъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на слѣдующія соображенія. Во 1) между здѣшними студентами всегда находятся и такіе, которые, принадлежа къ неподатнымъ сословіямъ и по своимъ семейнымъ отношеніямъ не предполагая когда бы то ни было вступить въ собственно государственную службу, вовсе не подвергаются градуальнымъ испытаніямъ, хотя и проходятъ въ университетѣ весь научный курсъ; каковое обстоятельство не исключаетъ однако ихъ отъ занятія такъ называемыхъ земскихъ и городскихъ должностей. Понятно, что университетъ не можетъ дать никакихъ гарантій относительно познаній, прибрѣтенныхъ ими какъ по предметамъ ихъ специальности, такъ и по русскому языку, и позволительно предполагать, что къ этому именно классу лицъ относится часть наблюдений генералъ-губернатора. Что касается лицъ, сдавшихъ по окончаніи курса градуальное испытаніе, то по отношенію къ русскому языку слѣдуетъ дѣлать между ними различіе въ зависимости отъ времени этого испытанія, ибо требованія по русскому языку постепенно возрастали. Правда, уже издавна русскіе подданные не были ни на одномъ факультетѣ допускаемы къ ученымъ степенямъ безъ испытанія въ русскомъ языкѣ, однако усиленные требованія

въ этомъ отношеніи, . . . на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 15 декабря 1839 г. вступили въ силу только съ 16 декабря 1845 г., ибо Его Имп. Величество соизволилъ разрѣшить, чтобы по отношенію къ пробѣламъ по русскому языку было допускаемо нѣкоторое снисхожденіе, особенно по отношенію къ тѣмъ студентамъ, которые поступили въ университетъ до 1836 г. . . . Вслѣдствіе сего велѣно было, срокомъ по 16 декабря 1845 г. вносить въ университетскіе аттестаты на званіе дѣйств. студента, кандидата и врача точныя и подробныя отмѣтки о степени познаній испытуемаго въ русскомъ языкѣ. Примѣненіе этого предписанія было затѣмъ продолжено предложеніемъ министра нар. пр. отъ 8 іюля 1845 г., впредь до особыхъ распоряженій, причемъ определено было и мѣрило познаній въ русскомъ языкѣ, необходимыхъ съ 16 декабря 1845 г. для присужденія какой бы ни было ученой степени. Во исполненіе сего университетъ, въ аттестатахъ лицъ, которымъ до конца 1845 г. нельзя было отказывать въ ученыхъ степеняхъ за недостаточное знаніе русскаго языка, откровенно и точно обозначалъ мѣру этого знанія, такъ что начальство, при замѣщеніи такихъ должностей, гдѣ требуется основательное знаніе русскаго языка, могло по этимъ аттестатамъ отдавать предпочтеніе болѣе достойнымъ кандидатамъ передъ менѣе достойными. Но могло случиться, что нѣкоторые изъ окончившихъ университетскій курсъ съ достаточнымъ знаніемъ русской разговорной рѣчи, разучились ей впоследствии, отъ недостаточнаго упражненія, такъ какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ въ городахъ преобладаетъ языкъ нѣмецкій, а въ селахъ — эстонскій или латышскій“ . . .

Къ этому донесенію ректора проф. Розбергъ приложилъ письмо отъ 9 іюня 1848 г., въ которомъ объясняетъ, что при вступленіи его въ университетъ за 12 л. предъ симъ онъ нашелъ между студентами, за немногими исключеніями, очень слабыя познанія въ русскомъ языкѣ. Но потомъ, благодаря систематическимъ занятіямъ и хорошему подбору книгъ

въ библіотекѣ, общій уровеньъ этихъ познаній поднялся и изъ Дерпта вышло - де много чиновниковъ, врачей, ученыхъ, хорошо знавшихъ русскій языкъ. Два же изъ нихъ (гг. Шмидтъ и Германъ) награждены были медалями за сочиненія по русскому языку и литературѣ¹⁾.

Принятія въ министерство гр. Уварова мѣры въ концѣ концовъ подняли, повидимому, знанія дерптскихъ студентовъ по русскому языку. По крайней мѣрѣ министръ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи Дерптскаго университета въ 1855 г. заявляетъ, что „юношество Д. ун., нѣкогда слишкомъ увлекавшееся подражаніемъ германскимъ буршамъ, нынѣ отличается добропорядочнымъ поведеніемъ и скромнымъ образомъ мыслей. . . Они охотно - де занимаются русскимъ языкомъ, и многіе оказываютъ значительные въ немъ успѣхи, хотя произношеніе ихъ не отличается правильностью и чистотою, что впрочемъ весьма естественно при всегдашнемъ употребленіи ими съ самага дѣтства нѣмецкаго языка²⁾. . .

Въ предложеніи попечителя Брадке отъ 22 апрѣля 1860 г. отъ совѣта затребованъ отзывъ по поводу статьи журнала „Das Inland“ подъ заглавіемъ: *Medicinische Dorfgeschichten aus dem Inneren Russlands, von Dr. Bertram*, въ которой разсказывается о смѣхотворныхъ испытаніяхъ по русскому языку въ старомъ Дерптскомъ университетѣ, 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ. По этому поводу, на основаніи отзыва проф. Розберга, совѣтъ въ засѣданіи 7 сентября 1860 г. постановилъ донести попечителю, что статья эта, относящаяся къ отдаленной эпохѣ, должна быть признана анекдотическою³⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя вновь возбужденъ былъ вопросъ о степени знакомства дерптскихъ студентовъ съ русскимъ языкомъ въ представленіи ректора Биддера попечителю гр. Кайзерлингу отъ 6 апрѣля 1863 г. слѣдующаго содержанія:

1) Дѣло совѣта о русск. яз.

2) Сб. пост. IV, 105.

3) Дѣло сов. о русск. яз.

... „Съ самаго основанія университета въ немъ не только учреждена была на тогдашнемъ философскомъ факультетѣ каѳедра русскаго языка и литературы, но заведенъ былъ лекторатъ по этому предмету, съ возложеніемъ на профессора обязанностей вести русскую переписку университета, а на лектора — должности переводчика. Въ ту пору не было еще постановленій объ обязательности для студентовъ лекцій обоихъ преподавателей. Лекціи эти касались болѣе русской литературы, исторіи и статистики, чѣмъ языка въ немъ самомъ, ибо тогда уроженцы Остзейскихъ провинцій рѣдко поступали на службу во внутреннія губерніи, а потому и не имѣли особаго интереса къ русскому языку. Да и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за недостаткомъ подготовленныхъ учителей, русскій языкъ преподавался очень неудовлетворительно. Когда въ 1820 г. учрежденъ былъ медицинскій институтъ, изъ котораго ежегодно выходило 10 питомцевъ въ военно-медицинскую службу, то оказалось необходимымъ озаботиться не только научной подготовкой ихъ по медицинѣ, но и достаточнымъ ознакомленіемъ ихъ съ русскимъ языкомъ. Вотъ почему имъ предписано было участвовать въ занятіяхъ по этому предмету и въ концѣ каждаго полугодія сдавать по одному экзаменъ. То же постановлено было по учрежденіи въ 1827 г. богословскаго семинарія для его питомцевъ, а также — отчасти ранѣе, отчасти позже — для студентовъ дипломатіи и юриспруденціи, тогда какъ прочимъ студентамъ, въ первыя десятилѣтія по учрежденіи университета, предоставлено было посѣщать или не посѣщать лекціи русскаго языка, въ зависимости отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія и ихъ плановъ дальнѣйшей жизни. Между тѣмъ все возрастающее число молодыхъ людей, переселявшихся по окончаніи университетскихъ занятій во внутреннія губерніи, заставило правительство, особенно съ конца 30-ыхъ годовъ, принимать мѣры для подъема ихъ познаній въ русскомъ языкѣ. . . Предписано было всѣмъ студентамъ посѣщать лекціи по этому предмету и сдавать по нему экзаменъ при полученіи ученой степени. . . Число

такихъ обязательныхъ лекцій доходило потомъ до 14 или 22 часовъ въ недѣлю, по расчету на одинъ семестръ. Конечно, это чрезмѣрное обремененіе студентовъ было одобрено совѣтомъ, но при тогдашнихъ условіяхъ о его возраженіяхъ по этому поводу не могло быть и рѣчи. Только необычайная гуманность профессора русскаго языка смягчала гнетъ этихъ мѣропріятій. Правила объ этомъ, переутверждавшіяся сначала каждые 3 года, а съ 1853 г. впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, были въ 1860 г. видоизмѣнены безъ участія университета, вѣроятно потому, что нежелательнымъ казалось ставить его въ столь тягостное положеніе. По этимъ правиламъ допущено, правда, различіе требованій по русскому языку и обязательныхъ занятій въ зависимости отъ разныхъ специальностей, но все таки число лекцій по этому предмету не было ограничено. Нельзя, конечно, отрицать, что въ основѣ этихъ мѣропріятій лежало намѣреніе правительства открыть уроженцамъ Остзейскихъ провинцій болѣе широкій кругъ дѣйствія во всей имперіи. Но все же, послѣ совершившагося подъема русскаго преподаванія въ среднихъ школахъ округа, представляется несообразнымъ возлагать на университетъ восполненіе столь элементарныхъ пробѣловъ Снять съ него это бремя было бы тѣмъ желательнѣе, что всѣ указанныя мѣры не содѣйствовали изученію въ немъ русскаго языка, и если знаніе его теперь болѣе распространено въ Остзейскихъ провинціяхъ, чѣмъ прежде, то не университету онѣ обязаны въ этомъ отношеніи. Конечно, лекціи русскаго языка, въ немъ обязательны для всѣхъ студентовъ, однако — какъ извѣстно — онѣ слабо посѣщаются послѣдними. При неизбѣжныхъ совпаденіяхъ лекцій русскаго языка съ чисто факультетскими предметами, студенты обыкновенно склоняются къ посѣщенію послѣднихъ, а не перваго Обязательность этихъ лекцій поневолѣ превращается въ вопросъ гонорарный, съ ущербомъ для уваженія этого предмета и интереса къ нему Я полагаю поэтому, что полная отмѣна нынѣшнихъ постановленій о занятіяхъ рус-

скимъ языкомъ лежитъ въ интересахъ послѣдняго
 Возрастающая съ каждымъ днемъ потребность въ этомъ
 языкѣ болѣе можетъ содѣйствовать его распространенію,
 чѣмъ понудительныя мѣры, которыя уже сами по себѣ оттал-
 киваютъ умы даже отъ признанной желательною цѣли“

Гр. Кайзерлингъ отвѣтилъ на это представленіе (11 апр.
 1863 г.), что если и желательно произвести измѣненія въ
 постановкѣ русскаго языка, все же необходимо связать ихъ
 съ общимъ измѣненіемъ плана занятій по спеціальнымъ
 предметамъ. Если бы и факультетскіе предметы впослѣд-
 ствіи признано было возможнымъ изучать по свобод-
 ному избранію каждаго, то въ кругъ такихъ предметовъ
 можно бы включить и русскій языкъ на томъ или другомъ
 факультетѣ 1).

Что отзывъ ректора Биддера о подъемѣ знаній въ рус-
 скомъ языкѣ между питомцами среднихъ школъ Прибалтій-
 скаго края и университета былъ проникнутъ излишнимъ оп-
 тимизмомъ, это обнаружилось очень скоро послѣ указанной
 переписки его съ гр. Кайзерлингомъ.

Когда архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ
 обратилъ вниманіе правительства на необходимость мѣро-
 пріятій къ распространенію русскаго языка въ Прибал-
 тійскомъ краѣ, то вопросъ этотъ Высочайше повелѣно
 было обсудить въ особомъ комитетѣ и затѣмъ въ комитетѣ
 министровъ. Заключенія ихъ удостоились Высочайшаго
 утвержденія (15 янв. и 28 мая 1865 г.), при чемъ постановлено
 было принять дѣятельныя мѣры для усиленія обученія рус-
 скому языку жителей Прибалтійскаго края, возложивъ сіе на
 министра нар. пр. совмѣстно съ генераль-губернаторомъ этого
 края, гр. Шуваловымъ. Послѣдній высказался за учрежденіе
 въ Ригѣ и другихъ городахъ русскихъ гимназій, ссылаясь
 на то, что „всѣ мѣры, принятыя правительствомъ съ 1830 г.
 не достигли цѣли введенія въ коронныхъ присутственныхъ

1) Дѣло сов. о русс. яз.

мѣстахъ Остзейскихъ губерній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, такъ какъ безъ практики ученики не могутъ пріобрѣсти въ этомъ языкѣ познанія, требуемая для служебной дѣятельности“ 1).

Въ журналѣ комитета министровъ по сему дѣлу отъ 9 мая и 13 іюня 1867 г. тоже было констатировано, что Высочайше утвержденное 3 янв. 1850 г. положеніе комитета министровъ о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній переписки на русскомъ языкѣ и о назначеніи съ 1858 г. во всѣ означенныя мѣста такихъ только чиновниковъ, которые могутъ заниматься дѣлопроизводствомъ на этомъ языкѣ, — остается по настоящее время мертвою буквою, главнымъ образомъ по совершенному недостатку въ краѣ желающихъ поступить на службу образованныхъ людей, владеющихъ русскимъ языкомъ 2)

Нѣсколько позже, въ 1869 г. и ген.-губ. Альбединскій въ своемъ заключеніи на проектъ введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство Прибалтійскихъ учебныхъ заведеній признавалъ это невозможнымъ потому, что „при нынѣшнемъ составѣ этихъ заведеній едва ли не одни учителя русскаго языка знаютъ послѣдній“ 3).

Недостаточнымъ знаніемъ его въ средѣ студентовъ Дерптскаго университета обусловлено было и учрежденіе въ 1872 г. шести стипендій при Импер. историко-филологическомъ институтѣ, а съ 1873 г. столько же стипендій при Московскомъ университетѣ для приготовленія изъ абитуриентовъ Дерптскаго учебнаго округа будущихъ учителей русскаго языка 4).

Не лишень значенія при этомъ приведенный въ мотивахъ учрежденія въ Дерптскомъ университетѣ каѳедры сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій (23 дек. 1880 г.) фактъ, что „съ самаго основанія университета до 1870 г. ни

1) Сб. постан. IV, 595 слл.

2) Тамъ же IV, 598.

3) Тамъ же IV, 1434.

4) Дѣло сов. о рус. яз.

разу не была присуждена имъ степень кандидата русской словесности“ 1).

Въ мотивахъ закона отъ 10 апр. 1887 г. о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа отмѣченъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что „въ 1850 г. въ Митавской гимназіи шесть предметовъ преподавались на русскомъ языкѣ, нынѣ же, по донесенію директора означенной гимназіи, учителя оной заявили, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ преподавать по-русски, хотя они обучались этому языку въ гимназіяхъ и обязаны были держать экзамень по этому предмету въ университетѣ“. Вслѣдствіе вкоренившагося ненормальнаго направленія, читаемъ далѣе въ мотивировкѣ этого закона, учебныя заведенія Дерптскаго учебнаго округа не могли дать исполнителей Высочайшаго указа 14 сент. 1885 г. о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ и другихъ мѣрѣ, Высочайшею волею предначертанныхъ для блага Прибалтійскихъ губерній. Этому требованію могли удовлетворить лишь тѣ латыши и эсты, которые по окончаніи гимназіи обучались въ Московскомъ университетѣ, а также воспитанники двухъ русскихъ гимназій, географически находящихся въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, но примыкающихъ не къ Дерптскому, а къ русскимъ университетамъ 2).

И попечитель Капустинъ въ донесеніи министру нар. пр., по поводу записки на Высочайшее имя лифляндскаго ландмаршала барона Мейендорфа, направленной противъ закона 10 апр. 1887 г., ссылаясь между прочимъ на то, что „учители (гимназій) изъ иностранцевъ и изъ числа окончившихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ дѣйствительно не владѣютъ въ большинствѣ русскимъ языкомъ“. Къ этому онъ прибавилъ, что „замѣна такихъ учителей преподавателями изъ числа окончившихъ курсъ въ университетахъ имперіи крайне

1) Сб. пост. VII, 2015.

2) Сб. постан. X, 795 слл.

желательна, такъ какъ смягчить въ дѣлѣ образованія то нежелательное одностороннее направленіе, въ которомъ воспитываются Дерптскіе студенты, продолжающіе на государственной службѣ свои корпоративныя связи, и послужить къ скрѣпленію этой окраины съ прочими частями имперіи“¹⁾.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому поводу отъ 12 іюля 1887 г. гр. Деляновъ прибавляетъ: „Выдѣленіе русскаго языка (въ преподаваніи и испытаніяхъ по оному) при нѣмецкомъ преподаваніи не достигаетъ цѣли. Это доказывается примѣромъ Дерптскаго университета . . . Безъ преподаванія на русскомъ языкѣ всѣ мѣры къ усиленію знанія государственнаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ будутъ безплодны. Въ теченіе 60 лѣтъ правительство увеличивало не разъ число уроковъ по русскому языку, а между тѣмъ нѣсколько поколѣній, прошедшихъ черезъ школу, не въ состояніи говорить по-русски“.

Подъ этою запискою гр. Делянова имѣется слѣдующая помѣтка Имп. Александра III: „Совершенно раздѣляю все изложенное въ Вашей запискѣ“²⁾.

Укажемъ еще циркулярное распоряженіе попечителя Капустина отъ 26 дек. 1888 г. объ учителяхъ, оказывающихся неспособными преподавать на русскомъ языкѣ:

. . . . „Весьма многіе учителя не могли исполнить закона 10 апр. 1887 г. по неспособности преподавать по-русски. Такое печальное явленіе объясняется отчасти общимъ ненормальнымъ строемъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа, отчасти же тѣмъ, что въ Дерптскомъ университетѣ не обращалось достаточнаго вниманія на русскій языкъ и выдавались свидѣтельства на учительское званіе не заботясь о томъ, способны ли получившіе таковыя свидѣтельства преподавать на русскомъ языкѣ“³⁾. . . .

1) Тамъ же X, 922.

2) Сб. постанов. X, 919—922.

3) Циркуляры по Дерпт. уч. окр. за 1888 г., стр. 634.

Вѣрность этихъ многочисленныхъ указаній на недостаточное знакомство съ русскимъ языкомъ значительной части здѣшняго студенчества удостовѣряется и неоднократными ходатайствами изъ его среды въ началѣ 90-ыхъ годовъ, отчасти и въ послѣднее время, о разрѣшеніи то экзаменоваться по нѣмецки, то представлять нѣмецкія диссертациі и т. под. Такимъ образомъ процессъ усвоенія государственнаго языка здѣшнею учащеюся молодежью затянулся чуть не на цѣлое столѣтіе и едва теперь приближается къ благополучному окончанію.

Не менѣ замѣчательны и безспорны тѣ затрудненія, какія встрѣтило правительство при проведеніи въ университетѣ мѣропріятій по утверженію русскаго языка въ его дѣлопроизводствѣ и перепискѣ. Уже въ самомъ началѣ своего существованія, при министрѣ Разумовскомъ (1812 г.), университетъ сознался въ своемъ безсиліи исполнить его требованія въ этомъ отношеніи. Совершенно безслѣдно не только для университетета, но и для всего округа, прошло Высочайшее повелѣніе 1836 г. о назначеніи въ немъ начальниками учебныхъ заведеній только такихъ лицъ, которыя основательно знаютъ русскій языкъ, — очевидно, въ видахъ употребленія послѣдняго въ дѣловой перепискѣ. Какъ выше показано, повелѣніе это не было даже своевременно опубликовано, а лишь секретно сообщено попечителю округа. Относительно указа 3 янв. 1850 г. имѣется приведенное уже выше удостовѣреніе комитета министровъ, отъ 9 мая и 13 іюня 1867 г., что въ теченіе 17 лѣтъ указъ этотъ „оставался мертвою буквою“¹⁾. И повторительные указы такого же приблизительно содержания отъ 1 іюня 1867 г. и 21 окт. 1869 г. настолько были потомъ смягчены дополнительными разъясненіями и ограниченіями, что не имѣли дѣйствительнаго значенія. Вотъ почему при Имп. Александрѣ III еще разъ былъ изданъ 14 сент. 1885 г. указъ такого же приблизительно

1) Сб. постан. IV, 598.

содержанія, какъ указы 3 янв. 1850 г. и 1 іюня 1867 г., послѣ чего выраженная въ послѣднихъ воля Императоровъ Николая I и Александра II приближается наконецъ къ осуществленію.

Чѣмъ же объясняется такая необычайная медленность въ исполненіи правительственныхъ постановленій по утвержденію русскаго языка въ преподаваніи, въ живомъ употребленіи студентовъ и наконецъ въ дѣлопроизводствѣ здѣшняго университета?

Точный отвѣтъ на это едва ли возможенъ въ настоящее время, когда еще не разработаны многія главы исторіи этого университета, въ его отношенія къ правительству, къ мѣстному обществу и къ національнымъ движеніямъ истекающаго столѣтія. Но нѣкоторыя изъ причинъ указанной медлительности въ общихъ чертахъ можно и теперь отмѣтить, на основаніи доступныхъ матеріаловъ.

Первою изъ нихъ представляется нѣкоторая неясность правительственной программы какъ при основаніи университета, такъ и при дальнѣйшемъ его развитіи, до царствованія Имп. Александра III. Неяснымъ представляется, наприимѣръ, считали ли Императоры Павелъ I и Александръ I этотъ университетъ реставраціей стараго шведскаго университета, основаннаго Густавомъ Адольфомъ въ Юрьевѣ въ 1632 г. и, послѣ нѣсколькихъ перекочевываній въ Перновъ (въ 1669 г. и въ 1699—1710 гг.), прекратившаго свое существованіе вслѣдствіе бѣгства профессоровъ въ Швецію во время великой сѣверной войны, — или, наоборотъ, они признавали его университетомъ новымъ, не имѣющимъ съ Academia Gustaviana-Carolina ничего общаго, кромѣ случайнаго совпаденія мѣстонахожденія обоихъ? Въ первомъ случаѣ возникъ бы вопросъ: какъ относилось русское правительство къ тѣмъ задачамъ, которыя возложены были въ XVII в. на Academia Gustaviana-Carolina правительствомъ шведскимъ и которыя заключались, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи нравственныхъ связей этого края съ Швеціей и въ ослабле-

ни его тяготѣнія къ Германіи, отчасти и къ Польшѣ? При невозможности возстановить въ Юрьевѣ университетъ государственно - шведскій, пришлось бы, конечно, разсматривать его какъ университетъ государственно - русскій, имѣющій цѣлью нравственное закрѣпленіе Ливоніи, Эстоніи и Куроніи за — Россіей. Если же это былъ университетъ новый, не имѣвшій ничего общаго съ упраздненнымъ великою сѣверною войною шведскимъ, то въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ тому проекту, объ утвержденіи котораго напрасно ходатайствовало въ 1710 г. передъ Петромъ Великимъ лифляндское дворянство, напиравшее особенно на евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе профессоровъ и на обученіе знатной молодежи языкамъ и разнаго рода спорту? 1) Эпитетъ „протестантскій“ встрѣчается въ предварительныхъ постановленіяхъ объ этомъ университетѣ Имп. Павла I, равно какъ и нѣкоторая зависимость сего ун-та, при извѣстныхъ условіяхъ, отъ Остзейскаго рыцарства. Но позже, въ учредительной грамотѣ университета отъ 12 дек. 1802 г. и въ его уставахъ 1803 и 1820 г. мы вовсе не встрѣчаемъ ни вѣроисповѣдныхъ, ни сословныхъ ограниченій. Наоборотъ, по § 17 учредит. грамоты и по § 1 устава 1803 г. въ студенты этого университета принимаются „люди всякаго состоянія, русскіе уроженцы и иностранцы“. Коллегія же рыцарскихъ кураторовъ, права которой были обусловлены денежными взносами рыцарства на содержаніе университета, вскорѣ была упразднена, за незначительностью этихъ взносовъ и въ виду раздоровъ между кураторами и профессорами университета.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой неясности и въ словахъ учредительной грамоты, опредѣляющей задачи университета: „учреждается онъ на вѣчное время для нашего царства, наипаче же

1) Die Universität in Lifland . . . allezeit mit tüchtigen Professoren, der ev.-luth. Religion zugethan, besetzt, auch zur Commodität der adeligen Jugend mit Sprachen und Exercitien-Mustern versehen werden (Das erste Jubelfest der Kais. Univ. Dorpat. 1828. стр. 23).

для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской!“ Въ случаѣ, напримѣръ, коллизіи между интересами „царства“ и названныхъ „губерній“, какова должна быть задача и роль этого университета?

Подобная же неясность правительственной программы выражается и во взглядахъ первыхъ учредителей университета на выписку заграничныхъ профессоровъ. Императоръ Павелъ I считалъ необходимымъ отказаться отъ ихъ вызова, вѣроятно по причинамъ политическимъ, тогда какъ Императоръ Александръ I допускаетъ такой вызовъ, при недостаткѣ своихъ кандидатовъ, причемъ оставалось неяснымъ, временная ли это мѣра, имѣвшая въ ту пору примѣненіе и къ прочимъ русскимъ университетамъ, или — законная норма для будущаго? Кроме того, долгое время оказывался не выясненнымъ вопросъ: можетъ ли правительство содержать на одной изъ своихъ окраинъ, на казенный счетъ, заведеніе, гдѣ всѣ науки, не исключая русскаго отечествовѣдѣнія, преподаются иностранцами или инородцами, на иностранномъ языкѣ и конечно съ иноземныхъ точекъ зрѣнія, нерѣдко идущихъ въ разрѣзъ съ интересами русской государственности и съ основами русской образованности?

Невольно вспоминаются мнѣ при этомъ слѣдующія строки записки б. новороссійскаго попечителя Голубцова: „О мѣрахъ къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ“ (отъ 2 февр. 1870 г.):

„Въ характерѣ русскаго правительства есть одна черта, правда, прекрасная сама по себѣ, но не всегда гармонирующая съ твердою политикою. Это — излишняя, иногда въ ущербъ русскимъ государственнымъ интересамъ, деликатность въ отношеніи къ инородцамъ, населяющимъ окраины Имперіи, покоренныя русскимъ оружіемъ въ различныя эпохи; это — боязнь быть обвиненнымъ въ эгоизмъ и нетерпимости, хотя дѣло идетъ не о преслѣдованіи той или другой религіи, не о стѣсненіи языка того или другого племени, а напротивъ,

о возстановленіи законныхъ правъ преслѣдуемаго русскаго языка“ . . . 1)

Лишь въ правительственныхъ актахъ эпохи Имп. Александра III можно встрѣтить вполне ясный взглядъ на задачи русской школы въ окраинахъ, въ частности же на государственно-національныя задачи прибалтійскихъ школъ и въ томъ числѣ Юрьевского университета. Очень характерна въ этомъ отношеніи мотивировка гр. Деляновымъ законопроекта о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше утвержденнаго 10 апр. 1887 г.: . . . „Попечитель Капустинъ представляетъ слѣдующія соображенія:

„Населеніе трехъ Прибалтійскихъ губерній простирается въ 2.112.000 душъ. Изъ этого числа на долю латышей (956.000) и эстовъ (820.000) приходится 1.776.000; затѣмъ нѣмцевъ около 160.000, русскихъ 83.200, поляковъ и литовцевъ 13.000, евреевъ болѣе 77.000; остальные суть шведы, ливы и пр. Такимъ образомъ нѣмцы, включая въ число ихъ онѣмеченныхъ латышей и эстовъ, составляютъ лишь $\frac{1}{13}$ часть общаго числа народонаселенія Прибалтійскихъ губерній. Только въ городахъ ихъ насчитывается около $\frac{1}{3}$ всего числа жителей, въ селахъ же число русскихъ съ литовцами въ 2 губерніяхъ значительно превышаетъ число нѣмцевъ. Между тѣмъ почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ; учебныя же заведенія съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ составляютъ между ними лишь весьма рѣдкія исключенія. Города, селенія, частныя лица учреждаютъ и поддерживаютъ нѣмецкія училища въ ущербъ и противовѣсь русскимъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовало до послѣдняго времени и правительство . . . Ежегодный расходъ государственнаго казначейства на нѣмецкія среднія учебныя заведенія простирается до 117.191 р., на русскія же среднія учебныя заведенія ассиг-

1) Сб. распор. IV, 833.

нуется 82.131 р. Что касается высшихъ учебныхъ заведеній, то они всё нѣмецкія, если исключить Дерптскій ветеринарный институтъ, который въ послѣднее время сталъ переходить къ преподаванію на русскомъ языкѣ. На университетъ отпускается ежегодно изъ государственнаго казначейства 249.085 р., на Рижское политехническое училище 10.000 р., на ветеринарный же институтъ 40.800 р. Такимъ образомъ на нѣмецкое среднее и высшее образованіе правительство употребляетъ изъ государственныхъ средствъ ежегодно 376.276 р., тогда какъ на русское только 122.211 р. . . . При указанныхъ условіяхъ содержаніе нѣмецкихъ учебныхъ заведеній на счетъ казны нельзя признать явленіемъ нормальнымъ. Оно противорѣчитъ требованіемъ русской государственности и не находитъ себѣ никакого оправданія въ педагогическихъ соображеніяхъ. Поддерживая нѣмецкія училища преимущественно передъ русскими, правительство тѣмъ самымъ воспитываетъ въ народѣ мысль, что эстляндскій край не есть русскій, что онъ примыкаетъ къ иной, чужеземной культурѣ. Эта мысль невольно усваивается самими учебными заведеніями, весь внутренній строй которыхъ получаетъ характеръ отчужденія отъ Россіи; на преподаваніе русскаго языка смотрятъ въ этихъ училищахъ какъ на уступку печальной необходимости; юноши воспитываются по нѣмецкимъ учебникамъ, читаютъ только нѣмецкія книги и почерпаютъ въ нихъ свое міросозерцаніе. Особенно печально вліяніе такого порядка на латышей и эстовъ. Тамъ, гдѣ это возможно, они поступаютъ въ русскія училища Но наполняютъ также и нѣмецкія, усматривая въ поощреніи, какое оказывается симъ послѣднимъ со стороны министерства нар. пр. непреложное указаніе на виды правительства. Такое положеніе дѣлъ производитъ смуту въ умахъ, не согласуется съ прочими правительственными мѣропріятіями и служитъ препятствіемъ къ осуществленію сихъ послѣднихъ. Посредствомъ школъ происходитъ несогласное съ государственною политикою и справедливостью подчиненіе ¹²/₁₃-ыхъ русскаго или стремящагося

къ сближенію съ Россіей народонаселенія $\frac{1}{13}$ -ой, проникнутой иными воззрѣніями“ . . . ¹⁾.

Къ этому гр. Деляновъ прибавляетъ отъ себя:

„Существованіе и признаніе единого общегосударственнаго языка для всѣхъ частей государства, каковы бы ни были его этнографическіе элементы, безъ всякаго сомнѣнія составляетъ одно изъ важныхъ основаній государственнаго единства. Русская школа въ Прибалтійскомъ краѣ, составляя одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ распространенію здѣсь русскихъ началъ и усиленію русскаго вліянія, послужитъ къ объединенію и сближенію этой окраины съ внутренними губерніями . . . Въ теченіе длиннаго ряда годовъ (органы правительства) поддерживали мысль о томъ, что нѣмецкій языкъ имѣетъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ значеніе государственнаго . . . Такимъ образомъ для учителей, сторонниковъ Прибалтійской обособленности, не существуетъ никакихъ побужденій преподавать по-русски: они пользуются одобреніемъ правительства и общества. Точно такъ, наоборотъ, весьма значительное число преподавателей, свободныхъ отъ предразсудковъ, не находятъ себѣ поддержки при переходѣ къ русскому преподаванію“ ²⁾.

Въ одномъ изъ циркуляровъ Н. А. Лавровскаго (отъ 15 апр. 1893 г.) та же мысль выражена въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ:

„Необходимо отрѣшиться отъ ложной мысли о возможности съ успѣхомъ вести обученіе на двухъ языкахъ, тѣмъ болѣе, что эта мысль находится въ прямомъ противорѣчій съ закономъ, утвердившимъ государственный языкъ языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа“ ³⁾.

Что касается тѣхъ органовъ правительства, на которыхъ падаетъ главная отвѣтственность за указанное недомысліе въ пониманіи нашихъ государственныхъ интересовъ въ этой

1) Сб. постанов. X, 785—787.

2) Сб. постанов. X, 791 слл.

3) Циркул. за 1893 г. стр. 166.

окраинѣ, то еще въ „Окраинахъ Россіи“ Ю. О. Самарина — этого предтечи Манассеина по вопросамъ нашей Прибалтійской политики — показано, что таковыми являлись прежде всего Остзейскіе генераль - губернаторы, притомъ не только нѣмецкаго происхожденія (кн. Ливенъ, бар. Паленъ, бар. Ливенъ), но и коренные русскіе (кн. Суворовъ, гр. Шуваловъ, генер. Альбединскій, кн. Багратіонъ). Объясняется ли это явленіе неудачнымъ выборомъ лицъ для столь отвѣтственной должности (чуть ли не единственное исключеніе составляетъ ген. - губ. Головинъ), или трудностью служебнаго положенія этихъ какъ бы ново - грессмейстеровъ ордена — рѣшить трудно. Но имѣется не мало данныхъ въ подтвержденіе указаннаго тезиса „Окраинъ Россіи“.

Такъ напр. „гуманный внукъ воинственнаго дѣда“ кн. Суворовъ, тотъ самый, отзывъ котораго о слабомъ знакомствѣ остзейскихъ чиновниковъ съ русскимъ языкомъ приведенъ выше, въ томъ же 1848 г. писалъ слѣдующее:

„Надлежитъ признать, что въ Дерптскомъ университетѣ, въ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и даже въ частныхъ пансіонахъ русскій языкъ занялъ принадлежащее ему мѣсто (!) и занялъ безъ насильственныхъ распоряженій, такъ сказать по сознанію края (!), что это орудіе необходимо для него нужно. Въ такомъ положеніи всякое понудительное распоряженіе казалось бы изъявленіемъ нѣкотораго неудовольствія правительства и недовѣрія къ собственнымъ усиліямъ жителей достигнуть указанной имъ цѣли“¹⁾.

Ген.-губ. гр. Шуваловъ сознавался одному изъ остзейскихъ заправилъ, что онъ сочувствуетъ отмеченію латышей и въ этихъ видахъ поддерживаетъ проектъ введенія въ Прибалтійскомъ краѣ суда присяжныхъ, съ нѣмецкомъ языкомъ въ дѣлопроизводствѣ²⁾.

Третій же изъ названныхъ генераль - губернаторовъ,

1) Самаринъ, Собр. сочиненія т. VIII, стр. 109.

2) Тамъ же VIII, 23.

Альбединскій, при разсмотрѣніи въ 1869 г. вопроса о подтвержденіи и дальнѣйшемъ развитіи неисполненнаго дотолѣ указа 3 янв. 1850 г. о введеніи русскаго дѣлопроизводства въ коронныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, въ частности же въ учебныхъ заведеніяхъ, выразилъ „убѣжденіе, что при данномъ составѣ этихъ заведеній это невозможно и даже немислимо“¹⁾ . . .

Но имѣются данныя, что и попечители Дерптскаго учебнаго округа, по выдѣленіи этой должности отъ генералъ-губернаторской, особенно же фонъ-Брадке, гр. Кайзерлингъ и Сабуровъ, нерѣдко приносили въ жертву интересы общегосударственные изъ за мѣстнаго патріотизма или нашего русскаго псевдо-либерализма. Этого рода вліяніями объясняется, напримѣръ, изъятіе Дерптскаго университета изъ круга дѣйствія общихъ уставовъ и штатовъ русскихъ университетовъ, какъ при Имп. Николаѣ I, такъ и при Имп. Александрѣ II. Въ самомъ дѣлѣ, по Высочайшему рескрипту на имя министра нар. пр. Шишкова отъ 14 мая 1826 г. должно было произойти уравниеніе уставовъ всѣхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ школъ и до университетовъ, съ надлежащими измѣненіями для округовъ Дерптскаго и Виленскаго²⁾. Однако при изданіи въ 1835 г. общаго устава Императорскихъ русскаго университета Дерптскій университетъ былъ оставленъ въ сторонѣ, при уставѣ 1820 г. Тоже повторилось въ 1860—65 гг., когда „Общій“ уставъ вырабатывался подъ предѣлательствомъ дерптскаго попечителя фонъ-Брадке, при участіи депутата отъ Дерптскаго университета, и однако не былъ распространенъ на послѣдній, а наоборотъ, замѣненъ для него отдѣльнымъ уставомъ 1865 г., благодаря между прочимъ усиліямъ дерптскихъ попечителей фонъ-Брадке и гр. Кайзерлинга, о чемъ университету не разъ впоследствии приходилось сожалѣть и каяться³⁾.

1) Сб. постанов. IV, 1434.

2) Тамъ же IV, 50.

3) Ср. мою статью : Юрьевскій университетъ. Рига 1898 г.

Тотъ-же гр. Кайзерлингъ въ донесеніи министру нар. пр. по вопросу о введеніи въ учебныхъ заведеніяхъ Д. уч. округа внутренняго дѣлопроизводства и переписки на русскомъ языкѣ, высказался противъ этой мѣры, ссылаясь на различіе коронныхъ присутственныхъ мѣстъ съ одной стороны, а учебныхъ заведеній съ другой, а также на невозможность понудить къ изученію русскаго языка выписанныхъ изъ Германіи профессоровъ университета. Онъ признаетъ даже, что попечитель долженъ сноситься съ университетомъ на нѣмецкомъ языкѣ, „если желаетъ сохранить къ нему непрерывныя и живыя отношенія“¹⁾.

Не даромъ этотъ русскій сановникъ считался личнымъ другомъ кн. Бисмарка!

Относительно нѣмцующаго образа дѣйствій окружного управленія въ концѣ 70-ыхъ и началѣ 80-хъ годовъ имѣются очень характерныя свѣдѣнія въ мотивахъ закона 10 апр. 1887 г.:

. . . „Съ 1876 по 1881 гг., пишетъ гр. Деляновъ, со стороны правительства (при попечителяхъ Сабуровѣ и Штапельбергѣ?) послѣдовалъ рядъ мѣръ къ поддержанію нѣмецкихъ учебныхъ заведеній. Такъ, въ 1876 г. увеличена сумма пособія Аренбургской гимназіи и отпущены средства на содержаніе параллельныхъ классовъ Дерптской гимназіи; въ 1877 г. назначено пособіе дворянской гимназіи близъ Вендена (въ Биркенруэ); въ 1877 г. послѣдовало новое увеличеніе отпуска пособія Аренбургской гимназіи. Но самымъ неблагопріятнымъ годомъ для русскихъ училищъ въ Остзейскомъ краѣ былъ 1880-ый. Такъ 6 мая послѣдовало утвержденіе устава Либавской гимназіи, по которому православный законоучитель поставленъ ниже лютеранскаго; 30 іюля исходатайствовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи нѣмецкихъ реальныхъ училищъ, которымъ переданы казенные дома и назначены пособія отъ казны; а также предоставлены

1) Сб. пост. IV, 1415—1426.

особыя права женскому училищу госпожи Муйшель (въ Юрьевѣ) и нѣмецкой гимназiи Кольмана. Наконецъ въ томъ же году всѣ казенныя уѣздныя училища Курляндской губерніи переданы Курляндскому дворянству, а затѣмъ разрѣшено всѣмъ сословіямъ и обществамъ учреждать новыя нѣмецкія уѣздныя училища. Этими мѣропріятіями закрѣплено было господство нѣмецкаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ; русскія училища получили характеръ лишь терпимыхъ и какъ бы чужеземныхъ¹⁾.

Не удивительно, если примѣръ начальниковъ вызывалъ нерѣдко подражаніе и въ средѣ подчиненныхъ. Особенно замѣтно это въ дѣятельности совѣта, правленія и ректоровъ. Выше приведено уже много данныхъ, характеризующихъ ихъ враждебное отношеніе къ русскому языку, при обсужденіи напр. въ 1818 и 1819 гг. предложеній проф. Неймана о мѣрахъ для подъема занятій студентовъ русскимъ языкомъ; въ 1823 г. по вопросу о степени познаній по этому предмету, требуемыхъ при градуальныхъ испытаніяхъ; въ 1827 г. по поводу жалобы главнаго врача флота Лейтона на недостаточныя познанія въ русскомъ языкѣ дерптскихъ врачей; въ 1827 г. по вопросу объ испытаніяхъ по русскому языку на разныхъ факультетахъ; въ 1832 г. по поводу переписки съ Рижскимъ комиссаріатскимъ депо; въ 1841 г. по поводу требованія попечителя сноситься на русскомъ языкѣ съ департаментомъ нар. пр. и по денежной отчетности; въ 1842 г. по поводу переписки съ Динабургской комиссаріатской комиссіей; въ 1844 г. и 1845 г. по поводу чтенія по русскому языку государственнаго врачевновѣдѣнія; въ 1845 г. по поводу требованій о преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; въ 1845 г. по вопросу о планѣ обученія студентовъ русскому языку; въ 1848 г. по поводу заявленія кн. Суворова о слабомъ знаніи бывшими питомцами Д. университета русскаго языка; въ 1861 г. при перепискѣ объ испытаніи

1) Сб. постан. X, 795.

по русскому языку иностранныхъ врачей; въ 1863 г. при возбужденіи ректоромъ Биддеромъ вопроса о признаніи лекцій по русскому языку необязательными для большинства студентовъ. Но особенно характернымъ представляется въ этомъ отношеніи столкновение совѣта съ попечителемъ Жерве въ 1869 и 1870 гг., по вопросу о языкѣ дѣловой переписки университета съ управленіемъ округа. Случилось это такъ:

21 ноября 1869 г. совѣту сообщено было предложеніемъ управлявшаго округомъ (по выходѣ въ отставку гр. Кайзерлинга) Николичемъ Высочайше утвержденное 31 окт. 1869 г. положеніе комитета министровъ о примѣненіи къ учебнымъ заведеніямъ Дерптскаго уч. округа, содержимымъ вполнѣ или отчасти на счетъ казны, указа 1 іюня 1867 г., относительно веденія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго края на русскомъ языкѣ дѣлопроизводства, а также переписки какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями Прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ — съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ губернскими присутственными мѣстами. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было подтвердить не опубликованное въ свое время Высочайшее повелѣніе отъ 16 дек. 1836 г. объ опредѣленіи въ начальники учебныхъ заведеній (а именно: директоровъ и инспекторовъ гимназій и прогимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ) только лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ.

Совѣтъ въ засѣданіи 26 ноября 1869 г. постановилъ по этому поводу образовать особую комиссію изъ ректора Георга Эттингена и профессоровъ Энгельгардта, Руммеля, Гарнака и Энгельмана. Комиссія эта въ докладѣ совѣту выразила мнѣніе, что указъ 16 окт. 1836 г. вовсе не относится къ университету; что веденіе русской переписки съ указанными въ Высочайшемъ повелѣніи 1 іюня 1867 г. мѣстами и учрежденіями не можетъ быть соединено съ тою организаціей университетскаго управленія, которая опредѣлена уставомъ 1865 г., ибо управленіе это ведется-де коллегіально учрежденіями, которыя лишь случайно имѣютъ въ своей средѣ лицъ, знающихъ русскій

языкъ; что не знающій напр. такового ректоръ затруднится подписывать непонятныя ему бумаги отъ имени совѣта, правленія и вообще университета, и что необходимо ходатайствовать, чтобы университетъ и впредь обязанъ былъ сношаться по-русски лишь съ центральными и небалтійскими учрежденіями, съ балтійскими же или путемъ схематическихъ русскихъ бланковъ и переводовъ или, по прежнему, на языкѣ нѣмецкомъ, который долженъ-де быть знакомъ прибалтійскимъ учрежденіямъ. Вскорѣ дѣло это было осложнено сообщеніемъ университету новаго попечителя Жерве о своемъ вступленіи въ должность, написаннымъ на русскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе, ректоръ Г. Эттингенъ въ нѣмецкомъ письмѣ отъ 4 февр. 1870 г., поздравляя попечителя со вступленіемъ въ должность, просилъ его отъ имени совѣта отказаться впредь въ сношеніяхъ съ университетомъ отъ русскаго языка и писать на нѣмецкомъ, какъ это имѣло мѣсто въ теченіе 70 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ-де закона, который бы обязывалъ ректора и прочихъ членовъ университетскаго управленія знать по-русски; что же касается Высочайшаго повелѣнія отъ 31 окт. 1869 г., то оно вовсе не относится-де къ сношеніямъ университета съ попечителемъ, такъ какъ сношенія эти имѣютъ характеръ переписки внутренней, а не внѣшней, слѣд. должны впредь вестись на языкѣ нѣмецкомъ, а не русскомъ, что совершенно-де невыполнимо.

На письмо это Жерве отвѣтилъ сообщеніемъ отъ 8 февр. 1870 г., что онъ руководился въ данномъ случаѣ указаніями правительства и волею Государя Императора, выраженной въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 21 ноября 1869 г., но что ходатайство по сему дѣлу совѣта онъ представитъ министру нар. пр.

Слѣдствіемъ этого представленія было указанное уже выше образованіе по Высочайшему повелѣнію особой комиссіи, единогласно признавшей, что законъ 31 окт. 1869 г. относится къ университету и что вслѣдствіе того послѣдній обязанъ сношаться съ попечителемъ не иначе, какъ по-русски, каковое заключеніе

комиссіи было утверждено Государемъ Императоромъ 13 марта 1870 г. и сообщено попечителемъ совѣту въ предложеніи отъ 27 марта 1870 г.

Казалось бы, что совѣту оставалось только принять это Высочайше утвержденное заключеніе особой комиссіи къ исполненію. Но случилось иначе. Въ средѣ преподавателей началась агитація противъ этого постановленія и ректору подана петиція о защитѣ опредѣленнаго уставомъ управленія университета, подписанная многими доцентами. Вслѣдствіе того совѣтъ въ засѣданіи 8 апр. 1870 г. постановивъ по сему предмету: „принять къ исполненію, ad acta“, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ попечителя представить Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе (Gnadengesuch) совѣта, текстъ котораго выработанъ былъ особой комиссіей изъ ректора Г. Эттингена и профессоровъ Швабе, Энгельгардта, Гарнака и Энгельмана. Въ прошеніи этомъ сказано главнымъ образомъ слѣдующее:

„Дерптскій университетъ имѣлъ возможность оказать существенныя услуги наукѣ потому, что сближаясь съ западной Европой по языку преподаванія, онъ имѣлъ право . . . вызывать извѣстныхъ ученыхъ изъ Германіи для содѣйствія ученымъ мѣстнымъ Но въ дѣлѣ совѣстливаго исполненія своихъ обязанностей . . . и руководства студентовъ на пути долга и чести, успѣхъ (университета) долженъ быть приписанъ системѣ самоуправленія, существующей въ университетѣ со дня его основанія Исполненіе Высочайшаго повелѣнія (о русскомъ языкѣ во внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ, за исключеніемъ факультетскаго) сопряжено съ ущербомъ для бытія и дѣятельности университета Университетъ только тогда можетъ успѣшно и съ истинною преданностью къ дѣлу выполнять свое высокое назначеніе, когда всѣ органы управленія его будутъ, сообразно съ уставомъ, избираемы исключительно только изъ числа профессоровъ, когда имъ даровано будетъ право сноситься, въ дѣлахъ университета, между собою и со своимъ непосредствен-

нымъ начальствомъ на томъ языкѣ, на которомъ единственно они привыкли думать и давать истинное и прямое выраженіе своимъ мыслямъ (Въ противномъ случаѣ) ректоръ поставляется въ зависимыя отношенія къ переводчику Если бы избирать въ ректоры лишь тѣхъ, кто достаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ, то это право стало бы немѣстною привиллегіею небольшого числа лицъ При этомъ совѣтъ не можетъ скрыть, что подобное затрудненіе можетъ отозваться невыгодными послѣдствіями на молодомъ поколѣніи, которое нуждается въ руководителяхъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и притомъ умѣющихъ своимъ личнымъ вліяніемъ направлять студентовъ къ цѣлямъ добра и истины“

Противъ представленія такой петиціи высказались въ совѣтѣ только три профессора: Мейковъ, Бульмерингъ и Пецгольдтъ.

Попечитель предложеніемъ отъ 19 апр. 1870 г. сообщилъ совѣту, что не можетъ принять для представленія Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія совѣта, въ виду послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія отъ 13 марта 1870 г. о перепискѣ на русскомъ языкѣ.

И тогда еще совѣтъ не уgomонился, но въ засѣданіи 25 апр. 1870 г. постановилъ вторично просить попечителя о представленіи Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія совѣта, ссылаясь на то, что никакимъ закономъ не воспрещено де подавать такія прошенія.

Только профессора Мейковъ, Котляревскій, Драгендорфъ, Штида, Пецгольдтъ и Вилькомъ высказались за передачу *Gnadengesuch'a ad acta*.

Попечитель Жерве вынужденъ былъ 6 мая 1870 г. вторично отклонить ходатайство совѣта, который вслѣдствіе того въ засѣданіи 14 мая постановилъ: „Предложеніе попечителя передать пока *ad acta*, оставивъ за собою право предпринять дальнѣйшія мѣры въ подходящее время“. Только проф. Паукеръ заявилъ, что не согласенъ съ такой мотивировкой рѣшенія.

Можно бы привести и другіе примѣры оппозиціи нѣмецкихъ преподавателей университета противъ мѣръ по утверженію въ немъ русскаго языка. Она имѣла, напри- мѣръ, мѣсто въ 1892—93 гг. при введеніи этого языка въ дѣлопроизводство совѣта, правленія и факультетовъ, а также въ примѣненіи его къ испытаніямъ и диспутамъ на ученыя ступени, къ диссертаціямъ на оныя и т. п. Но въ этихъ случаяхъ оппозиція не имѣла столь шумнаго характера и выражалась въ прошеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ коллегій университета, какъ это мы видѣли въ 1869—70 гг.

Во всякомъ случаѣ, факты этого рода показываютъ, что здѣшняя университетская молодежь не имѣла случаевъ воодушевляться при изученіи русскаго языка примѣромъ своихъ наставниковъ, которые нерѣдко и по истеченіи 30—35-лѣтней службы въ этомъ университетѣ были столь же невѣжественны въ русскомъ языкѣ, какъ и при вступленіи въ нее.

Не лучшіе примѣры видѣла въ этомъ отношеніи наша учащаяся молодежь и въ окружающемъ ее балто-нѣмецкомъ образованномъ обществѣ. Издавна оно было проникнуто руссо-фобствомъ и считало изученіе русскаго языка какъ бы угрозою для своего германизма и протестантизма. Введеніе же этого языка въ присутственныя мѣста и школы представлялось этому обществу — по удостовѣренію В. фонъ Бока — „столь же варварскимъ, какъ и тиранскимъ“. На этой почвѣ развивалась, по словамъ фонъ Бока, „въ сердцахъ учащейся нѣмецкой молодежи, сознающей — де свое превосходство передъ русскими, глубочайшая ненависть къ нимъ“¹⁾.

Очевидно, въ этомъ балтонѣмецкомъ или онѣмеченномъ обществѣ не доставало понятія о томъ, что языкъ есть сила, овладѣніе которой можетъ очень пригодиться въ борьбѣ экономической и національной. Насколько выше нынѣшнихъ балтовъ были старыя ганзейцы, которые такъ дорожили привилегіей знать русскій языкъ, что въ 1462 г. издали постано-

1) Lifländische Beiträge I, вып. 3 стр. 259. Ср. Самаринъ, Соч. VIII, 110.

вление, по которому ливонцы лишены были права въ своей землѣ обучать русскому языку — неганзейцевъ! ¹⁾).

Если къ этому прибавить своеобразный строй здѣшняго стараго Burschenstaat'a, съ его корпораціями и фереями, организованными по нѣмецкимъ образцамъ, его нѣмецкимъ дѣловымъ языкомъ и господствующимъ вліяніемъ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ филистеровъ; если принять далѣе въ соображеніе, что члены этого своеобразнаго „штата“ и въ городѣ должны были вращаться въ онѣмеченныхъ кругахъ мѣстнаго дворянства, духовенства, бюргерства и вообще такъ называемыхъ „литератовъ“; что и въ семейномъ употребленіи мѣстные бурши чаще слышали рѣчь нѣмецкую или пожалуй латышскую и эстонскую, чѣмъ русскую; что наконецъ всѣ мѣстныя среднія и низнія школы были до 80-ыхъ годовъ заполнены нѣмцами, вслѣдствіе чего абитуриенты этихъ школъ выносили изъ нихъ лишь весьма недостаточное знаніе русскаго языка: то легко понять, почему столь туго распространялся между здѣшними студентами русскій языкъ до послѣдняго времени и почему въ средѣ нашихъ врачей, юристовъ, учителей названіе „Dorpatensis“ было почти синонимомъ невѣжды въ русскомъ языкѣ.

Въ будущемъ это, конечно, не можетъ имѣть мѣста, ибо теперь измѣнилась вся университетская обстановка, — языкъ преподаванія, языкъ дѣлопроизводства, наконецъ и самый составъ слушателей. Уроженцы Прибалтійскихъ губерній въ ихъ средѣ вовсе не играютъ столь преобладающей роли, какъ прежде. Такъ напр. въ 1881 г. между 1065 студентами были не менѣе 881, т. е. $\frac{4}{5}$ изъ абитуриентовъ гимназій Рижскаго учебнаго округа; въ 1891 г. ихъ было изъ 1694 — 1241, т. е. $\frac{3}{4}$; въ 1897 г. изъ 1098 — 450, т. е. $\frac{4}{11}$; въ 1373 — 431, т. е. $\frac{4}{13}$. Въ числѣ же 1373 студентовъ 1898 г. было не менѣе 583 право-

1) Ср. Die Hansa und der Deutsche Ritterorden, von K. v. Schlözer. Berlin 1851, стр. 128 сл.

славныхъ¹⁾), слѣд. достаточный контингентъ для поддержанія между инородцами практики въ русскомъ языкѣ. Вотъ почему если теперь раздаются иногда между студентами жалобы на затрудненія язычнаго характера, по отношенію напр. къ языку преподаванія и испытаній, то обыкновенно онѣ бываютъ направлены противъ языка нѣмецкаго, а не русскаго. И этого рода затрудненія будутъ, безъ сомнѣнія, все болѣе возрастать по мѣрѣ усиленія прилива сюда учащейся молодежи изъ коренныхъ русскихъ губерній, — пока наконецъ они не будутъ устранены полнымъ торжествомъ государственнаго языка, по примѣненіи къ здѣшнему университету „общаго устава и штата російскихъ университетовъ“. Остальное будетъ сдѣлано, въ этомъ отношеніи, постепеннымъ ростомъ русской образованности, русскаго національнаго сознанія и національной политики, въ выясненіи задачъ которой не можетъ не принимать посильнаго участія и наше молодое общество, посвященное разработкѣ и распространенію наукъ историческихъ, общественныхъ и педагогическихъ.

1) Примѣчаніе. Къ 15 окт. 1899 считалось изъ 1455 студентовъ 399 изъ Прибалтійскихъ губерній; по вѣроисповѣданіямъ же 750 православныхъ и только 424 протестантовъ.

